

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

ДОРОЖНЫЙ

СНАЙПЕР

Черная кошка

Николай Леонов
Дорожный снайпер

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Дорожный снайпер / Н. И. Леонов — «Эксмо», 2020 — (Черная кошка)

ISBN 978-5-04-112421-2

Полковники МВД Гуров и Крячко расследуют серию жестоких убийств. Из раритетной импортной винтовки неизвестный киллер одного за другим застрелил известного хирурга, темнокожего саксофониста и пенсионера. Попытка установить, что может быть общего между этими жертвами, не дает результата. Сыщики начинают искать мотив в каждом отдельном эпизоде. На этот раз Гуров находит важную зацепку. Он уже готов назвать предполагаемого преступника, но в этот момент раздается очередной смертельный выстрел...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-112421-2

© Леонов Н. И., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Дорожный снайпер	6
Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	19
Глава 3	35
Глава 4	49
Конец ознакомительного фрагмента.	58

**Николай Иванович Леонов,
Алексей Викторович Макеев**
Дорожный снайпер
(Сборник)

© Макеев А. В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Дорожный снайпер

Пролог

Старенький «Форд Скорпио» опасно вильнул на дороге, когда сидящий за рулем Глухов всего лишь на мгновение прикрыл слезящиеся глаза. Справа незамедлительно прилетела хлесткая оплеуха. Юрий Александрович поспешно втянул голову в плечи, нахохлился и крепко вцепился в рулевое колесо.

Благодаря утренней пробке «Форд» двигался со скоростью пятнадцать-двадцать километров в час. Разогнаться выше этого предела не получалось. То и дело в раскаленном от жары воздухе разносились недовольные звуки клаксонов. Народ нервничал, кто опаздывая на работу, а кто и по каким-то своим личным делам.

Глухов не нервничал. Но и сказать, что он совсем никуда не торопился, тоже было бы огромной ошибкой. Юрию Александровичу не терпелось поскорее оказаться дома, спуститься в прохладный подвал и откупорить бутылочку темного пива собственного производства. Вчерашние бурные возлияния давали о себе знать. Голова буквально разламывалась пополам, во рту раскинулась огромная пустыня, на всей территории которой обильно нагадили неизвестно откуда взявшиеся кошки, а в правом боку неприятно потягивало. Руки Глухова слегка подрагивали и потели. Впрочем, последнее обстоятельство могло быть вызвано не только похмельем, но и тридцатипятиградусной жарой, плотно окутывавшей столицу на протяжении всего июля. Лицо Юрия Александровича тоже поблескивало от пота, а пестрая гавайская рубашка дикой расцветки промокла насквозь и прилипла к спине.

Сегодняшняя поездка с женой на рынок в семь утра была совсем некстати, но воспротивиться Глухов не мог – у Галины была тяжелая рука, в чем он в очередной раз только что убедился, едва не прикорнув за рулем.

– Давай еще машину разобьем, Юра! – Сидящая на пассажирском месте женщина злобно зыркнула в сторону мужа и еще плотнее натянула на уши темно-синюю помятую панаму. Из-под полей выбивались неровные кудри плохо выкрашенных в рыжий цвет волос. – Нам же только этого не хватало для полного счастья. Да? Мало нам порванных шлангов, перемотанных скотчем в двадцати местах. Мало повалившегося забора. Мало твоей безработицы. Давай и машину угробим, Юра. А чего? Галька-то семижилная. Ну, повкалывает в два раза больше. С нее станется! Че не пахать на мне, если пашется. Да, Юра? Это ж одно удовольствие! А ты как гнал свою бормотуху, так и будешь гнать. Тихо, мирно... Бизнесмен самогоновый! И хоть продавал бы что, как мы планировали... Нет! Сам все выжрет в одну харю, а под вечер сидит на лавочке, лыка не вяжет да комаров кормит... Вот спасибо, Юрочка! Вот молодец! Дельный мужик из тебя получился! За таким я как за каменной стеной... Комары сыты, и ладно... Че молчишь-то? Головушка бо-бо? Да?

Глухов ничего не отвечал, прекрасно понимая, что Галине только и нужен повод для очередного скандала на ровном месте. Он не собирался доставлять ей такой радости и думал о своем, более приятном. Мысленно представлял, каково это будет – по возвращении домой первый раз приложиться губами к прохладному горлышку пивной бутылки. Один глоток, затем сразу второй... И краски вокруг сразу становятся другими – ярче, насыщеннее, миролюбивее... По телу разливается блаженное тепло, сначала маленьким голубым шаром формируясь где-то в районе грудной клетки, а уже через несколько секунд заполняя собой каждую клеточку. Голова становится легкой, плечи распрямляются, дыхание ровное и насыщенное... Третий глоток, четвертый... И ты уже чувствуешь, как твое сознание растягивается в разные стороны и ты паришь... Это ощущение Глухов обычно предпочитал немного подержать в себе, прежде чем

приложиться к бутылке в пятый раз, насладиться величием данного момента, осознать его, почувствовать на вкус... И только после этого наступает время для пятого, ключевого глотка, жадного и затяжного, как парашютный прыжок. И мир становится другим, прежним, таким, какой Галке никогда не суждено увидеть и познать...

Глухов облизнул губы и вновь прикрыл глаза. «Форд» опять вильнул на дороге, слева раздался оглушительный, бьющий по оголенным нервам Юрия Александровича автомобильный гудок, а справа прилетела новая, еще более болезненная оплеуха. Идеальный мир рухнул, как песочный замок с первым мощным морским приливом.

– Юра! Ты у меня допрыгаешься с этими фортелями! Если умудришься хоть самую капельочку помять машину, я тебя лично придушу. Понял? И никакие «Галочка, милая» тебя уже не спасут. Следи за дорогой, ротозей! Или ты хочешь, чтобы я еще и водить научилась? Вместо тебя... Тогда можно будет зенки круглосуточно заливать, да? А Галька катай его! Не слишком ли тогда все курчаво для тебя будет, Юра?

– Гал, мы не едем почти, – отважился на ответ Глухов. – Эта пробка кого угодно убаюкает.

– Че-то я не вижу, чтобы все вокруг за рулями дрыхли! – Лицо женщины тоже лоснилось от пота. Один из жиденьких локонов прилип к левому виску. Бородавка, расположенная чуть ниже глаза, покраснелась, как свеженалитый помидор. – Окромья тебя, никто храпаков не давит. Ну, оно и понятно, Юра! Люди ночью спали, а ты у нас до рассвета вагоны с углем разгружал. Трудился в поте лица. Все пытался для семьи лучше сделать. Умница ты наша! Благодаря твоим усилиям теперь и я могу от одной работы отказаться, и больная дочка в Питере голодать больше не будет. Обо всех позаботился! Только не привиделось ли мне все это, Юра?

– Не начинай, Гал... Я же...

– Да хватит уже языком молотить! – отмахнулась женщина. – «Я же... Я же...» Ничего путного от тебя отродясь не слыхала. Кроме твоих «яканий»... Трогай давай, Юра, не видишь, что перед тобой машина оторвалась? Трамвай втиснуться может. Или опять прикорнул, труженик наш? Ой, доведешь ты меня, Юра, до нехорошего. Ой доведешь!

– Уйдешь от меня? – одними губами незаметно улыбнулся Глухов.

– Хуже! Уйду, а потом и тебя с собой заберу! Смотри, чего выдумал! «Уйдешь»... Да как от тебя уйдешь-то, Юра? На кого тебя оставить, блаженного такого? Ты же и дня без меня не протянешь. Чего жрать-то будешь? Чем за дом платить? Накушаешься своим самогоном по самые уши и помрешь сразу. Вот ведь угораздило меня, – сокрушенно покачала головой Галина. – Но был же когда-то человек человеком. Не семи пядей во лбу, конечно, но рукастый, с выдумкой... Куда все это делось, Юра?

– Возраст...

– Да, какой там возраст! Ты на себя посмотри, а потом на меня. Я, между прочим, тебя на три года старше. А разве кто подумает? Кровь с молоком! А ты на ходу разваливаешься. И при чем тут возраст? Вот скажи мне! Следить просто надо за собой, Юра. Следить! Вот ты с утра не побрился – и на кого теперь похож? Вылитое чмо болотное!

Движение на дороге стало интенсивнее, и стрелка спидометра пала до отметки в двадцать пять километров в час. В настежь распахнутые окна «Форда» врвался запах горелой резины. Глухов почувствовал, как его начинает подташнивать. А до заветной бутылки пива еще так далеко! Он машинально оглянулся по сторонам, проверяя, нет ли где поблизости придорожного продуктового магазина, но уже через секунду понял, насколько бессмысленны эти оглядывания, жена все равно не позволит им остановиться.

– Возникает резонный вопрос, Юра, – продолжала тем временем настойчиво пилить благоверного Галина. – За каким лешим тебе бритва, если ты и забыл, наверное, как ею пользоваться? А если забыл...

Хрустнуло лобовое стекло. От неожиданно образовавшегося в нем маленького круглого отверстия в разные стороны потянулись замысловатые трещины. Глухов уронил голову на руль.

«Форд», газанув, стремительно рванул вперед и с неприятным металлическим скрежетом впечатался в задний бампер впереди идущего автомобиля. Галина негромко вскрикнула и тут же прикрыла рот двумя ладонями одновременно.

– Юра! Боже мой! Ты с ума сошел?! Что ты наделал?! Юра...

Она вlepила мужу смачный подзатыльник, но тот никак не отреагировал. Галина с силой пихнула его в бок, и тело Юрия Александровича безжизненно привалилось к водительской двери. Из пулевого отверстия на лбу медленно вытекала кровь.

Истошно заверещав, женщина в темно-синей панаме выскочила из салона старенького «Форда» и, не оглядываясь, понеслась прочь.

Глава 1

– Безобразие! Форменное безобразие! – Орлов бухнул кулаком по столу, и из стоящего между ним и полковником Крячко стакана вода выплеснулась через край. – Других слов у меня нет, господа сыщики! Хотел бы подобрать другие, но, увы... не нахожу. Бе-зо-бра-зи-е! Вы хоть на секунду можете себе представить, что там творится? – Он поднял вверх указательный палец и ткнул им в направлении потолка у себя над головой. – Мне с утра три раза шею намылили! Мне! Генералу МВД! Это же ни в какие ворота, господа сыщики!.. Как только стало известно об очередном снайперском выстреле на Старогвардейской, тут и понеслось! Звонок за звонком! Головомойка за головой!.. И не чешемся мы, видите ли... И зарплату получаем за то, что штаны просиживаем... И... В общем, чего только не наслушался... А знаете, что самое неприятное в этой ситуации?

– Что зарплата маленькая? – ввернул Крячко.

– Ты мне еще пошути, Стас! Пошути! – коршуном ринулся на него генерал. – Нашел время! Смешно ему, видите ли. А мне вот совсем не смешно, господа... – Орлов прервал свой эмоциональный взрыв, шумно выдохнул и выудил из ящика стола продолговатый пластиковый контейнер с таблетками. Вытряхнул два белых кружочка себе на ладонь и тут же отправил их в рот, запив водой из стакана. – Самое неприятное в том, что они правы. За истекшие двое суток дело так и не сдвинулось с мертвой точки. Скажи мне, Лева, я прав или ошибаюсь и у нас уже есть какие-то подвижки? – Вопрос был адресован к сидящему с противоположной стороны стола полковнику Гурову.

– К сожалению, нет, товарищ генерал, – покачал тот головой. – Порадовать пока нечем. Мы работаем, но...

– Четвертая жертва за два дня! – оборвал подчиненного Орлов, вновь резко повышая голос. Лицо у Петра Николаевича покраснелось, вена на лбу тревожно запульсировала. – Работают они! Трудятся, можно сказать, в поте лица. Это я вижу. Все видят!.. Только работаете вы как-то, знаете ли, незаметно. Выяснили, из какого оружия снайпер производит свои выстрелы?

– Еще нет. С минуты на минуту ждем отчета баллистиков.

– А жертвы? Установили связь между жертвами?

– На первый взгляд ее нет.

Гуров был мрачен и, отвечая на вопросы старшего по званию, предпочитал смотреть не на собеседника, а немного выше его головы. И дело не в том, что генерал устраивал им с напарником форменный разнос. Опытный сыщик с многолетним стажем работы в угро прекрасно понимал, насколько обоснованны высказываемые претензии. Дело с дорожным снайпером отчаянно буксовало. И уж точно не относилось к той категории, когда убийцу удастся найти сразу, по горячим следам.

– А как насчет второго? – не сбавлял оборотов Орлов. – Расскажи-ка мне о жертвах. Может, я сумею найти связь, если оба моих полковника не в состоянии этого сделать...

Крячко осторожно придвинул к себе бутылку с водой, вскрыл ее и наполовину наполнил стакан. Гуров раскрыл лежавшую перед ним папку и, бросив недовольный взгляд на генерала, произнес:

– Дело не в том, что мы не в состоянии, Петр Николаевич. Зачем передергивать слова? Я лишь хотел сказать, что на это потребуется гораздо больше времени, чем мы рассчитывали. Придется копать глубже.

– Так копайте! – Орлов ловко перехватил руку Крячко, уже поднесшего стакан к губам, забрал его и выпил сам. – Мне вам лопаты выдать? Или лицензию землекопов? Ну, читай уже, что у тебя там накорябано в папочке.

Гуров слегка покачал головой. Спорить с генералом в такой ситуации не имело никакого смысла. Крячко потянулся к новому стакану, но Орлов решительно сдвинул их все в сторону и одарил полковника ледяным взглядом. Станислав тут же вскинул обе руки вверх, демонстрируя безоговорочную капитуляцию.

– Личность последнего убитого мы установить еще не успели, – сдержанно начал Лев. – Этим сейчас занимается старший лейтенант Бурмистров. Как только будет информация, незамедлительно доложу. Предыдущая жертва была убита вчера вечером. Это девушка. Елена Кончалович. Двадцать семь лет. Не замужем. Не москвичка. Профессионально занималась волейболом. Играла в высшей лиге за московский «Метеор». Двухлетний контракт с волейболисткой был заключен клубом три месяца назад.

– Откуда родом? – уточнил генерал.

– Суздаль. Но она уехала отсюда еще в девятнадцатилетнем возрасте, когда ее заметил и подписал харьковский «Буревестник». Потом три года играла в Екатеринбурге за фарм-клуб «Уралочки». И вот теперь «Метеор».

– К сборной привлекалась? Хотя бы в качестве резервистки?

– Ни разу, – отрицательно покачал головой Гуров и тут же добавил: – Мы уже проверяем ее досье, товарищ генерал. На предмет каких-нибудь нечистоplotных историй в прошлом и возможной связи с делом так называемой «Лиги Справедливости», закрытым нами в прошлом году. Но интуиция подсказывает мне, что это совсем другая история.

– Это почему же?

– Как минимум у двух других жертв нет никакой связи со спортом.

– На первый взгляд, – напомнил генерал. – Насколько я помню, в том деле поначалу ее тоже не было. В конце концов, у «Лиги» могли появиться фанаты-последователи. Не сбрасывайте эту версию со счетов.

– Не будем, – заверил Лев и тут же продолжил: – Жертва под номером два, застреленная неизвестным снайпером вчера в районе одиннадцати часов дня, – врач. Практикующий хирург в Восьмой областной больнице. Вернее, теперь уже практиковавший... Заместитель заведующего отделением. Леонид Штурм. Пятьдесят два года. Разведен. Детей нет. Брак распался десять лет назад. Местонахождение бывшей супруги неизвестно. Выясняем.

– Штурм, – задумчиво протянул Орлов, словно пробуя эту фамилию на вкус. – Штурм... Кончалович... Обе фамилии еврейские, насколько я понимаю. Что, если это убийства на фоне национальной неприязни?

– Мы прорабатываем эту версию. Причем как основную на данный момент, – признался Гуров. – Хотя конкретно антисемитские настроения здесь как раз ни при чем. Дело в том, что самая первая жертва, убитая позавчера вечером, – афроамериканец.

– Кто?! – Орлов аж подпрыгнул в своем кресле.

– Афроамериканец, – повторил Лев.

– В просторечье – негр, – вернул Крячко. – Он, конечно, тоже может оказаться евреем, но... Как-то сомнительно.

– Опять шуточки, Стас? – просверлил его взглядом генерал.

– Никак нет, – живо отрапортовал Крячко. – Элементарная констатация факта, основанная на дедуктивном методе. Если условная прабабушка родом из Израиля могла согрешить...

– Хватит! – раздраженно отмахнулся Орлов. – Щас все мозги заплетешь мне своим балаболом. – Он вновь повернулся к Гурову: – И что там с этим негр... афроамериканцем?

– Ну, к Америке на самом деле он не имеет никакого отношения. Его имя Мэйтата Коджо. Родился и вырос в республике Кабо-Верде. Двадцать один год. Бывший студент МГИМО. В Москву приехал учиться четыре года назад, но бросил учебу уже после первого курса. Устроился на временную работу в культурно-массовый сектор судоходной компании «Москва-река»,

а позже временная работа как-то сама собой превратилась в постоянную. Коджо играл во время речных круизов на саксофоне, разогревая публику перед основными мероприятиями.

– Не шибко прибыльная работа? Да?

– Это с какой стороны посмотреть, – слегка улыбнулся Гуров. – Пареньку хватало заработанных за круизный сезон денег на то, чтобы безбедно прожигать жизнь на протяжении всего календарного года.

Орлов призадумался, машинально выстукивая пальцами на гладкой поверхности стола гимн Лиги чемпионов. Контейнер с таблетками скрылся в боковом кармане генеральского мундира. Сыщики не торопились прерывать повисшую в кабинете паузу.

– И все убийства идентичны? – наконец спросил генерал.

– Да. Определенно действует один и тот же снайпер. Во всех четырех случаях совпадает только почерк. Выстрелы совершены с дальнего расстояния из снабженного оптикой оружия. Все жертвы в момент смерти находились за рулем автомобиля. Точное попадание. Мгновенная смерть.

– Есть возможность перекрыть все точки, с которых может быть совершено следующее покушение?

– Нереально. Убийца предпочитает дороги с загруженным движением, но таких в Москве тысячи. К тому же не существует определенного времени выстрела. Не существует четкой схемы при выборе снайперской позиции.

– И все-таки нужно найти оружие, – резюмировал генерал после еще одной продолжительной паузы.

– Само собой. Будем искать.

– Ну, а чего тогда сидим? – нахмурился Орлов. Стремительно поднявшись на ноги, он чуть склонился и уперся двумя массивными кулаками в столешницу. – Идите и ищите! Двигайтесь, господа сыщики, двигайтесь! Под лежащий камень вода не течет, как известно. Торопите баллистиков, прорабатывайте связи между жертвами... В общем, делайте что-нибудь! Делайте! Задача ясна?

– Вполне, – хмыкнул Крячко, вставая.

Вслед за напарником поднялся и Гуров.

– И держите меня в курсе, – напутствовал подчиненных генерал. – Двадцать четыре часа в сутки. Это понятно? Звонить в любое время и докладывать о любом прорыве. Я хочу узнавать новости от вас, парни, а не из аппарата президента. Давайте беречь нервы друг друга.

– Кто-нибудь подходил к машине после выстрела?

Игнорируя специально предназначенные для таких случаев китайские палочки, Бурмистров захватил жареный ролл с подставки двумя пальцами и макнул его в соус. Отправил в рот, быстро облизал оба пальца и тут же потянулся за новым роллом. Роль скатерти на рабочем столе старлея исполняла вчерашняя газета с многочисленными масляными пятнами. Сидящий напротив пятидесятилетний мужчина в гигантских очках, скрывавших большую часть лица, сопровождал движение Бурмистрова взглядом и кивнул:

– Конечно, подходил. Я! Я первым бросился к его колымаге с намерением незамедлительно набить морду этому остолопу. Я подумал: ослеп он, что ли? Въехать в задницу на скорости двадцать километров в час – это же надо умудриться. Надо быть либо пьяным в дрова, либо первый день за рулем... А еще баба его вопила как резаная. Она рванула прям через дорогу, не замечая машин. Благо дело, пробка не сильно еще рассосалась, а то ведь ее и сбить могли запросто...

– Вы слышали выстрел?

– Да нет... Какой там! Все гудели, нервничали. – Мужчина в очках смотрел не на Бурмистрова, а на то, как он окунает в соевый соус аппетитный ролл. – Плюс жара эта... Она

реально сводит народ с ума. Вы не замечали? Сейчас биться на дорогах стали гораздо чаще. Мозги плавятся...

– Я понял, – кивнул старлей. – То есть выстрела вы не слышали, стрелявшего не видели... В чем же тогда вообще заключаются ваши свидетельские показания, Олег Олегович? Извините уж за прямоту.

– Я видел убегающую бабу, – раз уже в пятый, наверное, настойчиво повторил мужчина. – Бесформенную такую. С огромным лошадиным задом и в нелепой синей панаме. Сто пудов, она в этом замешана! Иначе зачем убегать? Согласитесь?

– Опознать ее сможете?

Свидетель ненадолго призадумался. Пожевал нижнюю губу и положил обе руки на стол. Бурмистров невольно отметил, насколько огромными были эти руки, буквально как две лопаты. Кожа между костяшками пальцев Олега Олеговича сильно шелушилась.

– По заду если только... Ну, и по панаме, конечно. А так, на рожу – вряд ли. Да! – радостно и настолько громко, что старший лейтенант едва не уронил ролл в соевый соус, воскликнул мужчина. – По крику еще могу опознать. Если она снова будет так голосить, сто пудов узнаю.

Бурмистров в очередной раз облизал пальцы, сглотнул и, сдвинув немного в сторону свой импровизированный китайский завтрак вместе с газетой, резюмировал:

– Значит, выходит, вы первым обнаружили труп?

– Выходит, так, – не стал спорить свидетель.

– Как это произошло?

– Ну... Говорю же, я кинулся к машине с намерением бить морду. В тот момент я ведь еще не знал, что он – труп. Думал, просто какой-то ханурик. Распахнул дверцу со стороны водителя... И он вывалился прямо мне под ноги.

– Вы прикасались к телу, Олег Олегович?

– Нет! Сто пудов нет! – поспешно откестился от такого дикого, на его взгляд, предположения мужчина. – Что я, дурак? Тем более что я сразу заметил дырку от пули у него во лбу и мгновенно отскочил от... тела.

– В машине что-нибудь трогали?

– Да за кого вы меня принимаете, черт возьми? – Большие глаза под большими очками недовольно вспыхнули. – За мародера какого-то? Я добропорядочный гражданин и уважаю закон! Я сразу позвонил в полицию. И я единственный, кто вызвался дать показания. Остальные тут же разъехались, не желая быть замешанными в историю с убийством. Народ стал черствым. Сто пудов! О себе только и думают... А я вот остался, дождался полицию... А теперь вы подозреваете меня в мародерстве? Хороша благодарность, ничего не скажешь!

– Я ни в чем вас не подозреваю, Олег Олегович. Успокойтесь. – Бурмистров с трудом подавил приступ зевоты. Бессмысленный лепет свидетеля, пусть местами и крайне эмоциональный, убаюкивал его. Он уже прекрасно понимал, что ничего ценного и важного этот человек сообщить не в состоянии. – Просто пытаюсь прояснить картину. А ответственность – это хорошо. Очень хорошо. И как раз с учетом вашей ответственности, я прошу вас, постарайтесь вспомнить... Кроме вас кто-нибудь еще приближался к машине или к телу убитого? Стрелявший мог пожелать проверить лично результат своей работы. Понимаете, о чем я?

Олег Олегович вновь призадумался. На этот раз повисшая в кабинете пауза длилась чуть дольше, но наконец он ответил:

– Народ там, конечно, был. Много народу... Любопытные ведь сначала столпились, а уже потом разбежались, как крысы. Ну, как это всегда бывает... Но к телу никто не прикасался. Сто пудов не прикасался. Я бы заметил, товарищ старший лейтенант. Я ведь ни на секунду не отходил. Вплоть до приезда группы оперативников. А вот совался ли кто-то в машину... – Олег Олегович заколебался. – Вот тут врать не буду, не обратил внимания, не до того было. Вряд ли,

конечно, но... двое пацанчиков активно вертелись. Ушлые такие. С хитрыми глазками. Лет по двенадцать-тринадцать. Правда, их больше моя тачка интересовала. Дверцу-то я не закрыл... Шикнул на них... Вроде отбежали. Еще помню бабу, которая все охала и ахала. Но она у меня за спиной все время находилась, вперед не лезла.

– Кто-нибудь произносил вслух, что человек убит? – ненавязчиво гнул свою линию Бурмистров.

– Не помню... Хотя чего там было говорить-то, товарищ старший лейтенант? Все же и без лишних слов было ясно. У старика дырка во лбу. Так что если кто-то и подходил удостовериться в смерти, он или она удостоверились...

Дверь в кабинет распахнулась, и порог решительно переступил полковник Гуров. За ним неотступно следовал Крячко. Бурмистров порывисто вскочил на ноги. То же самое зачем-то проделал и Олег Олегович. Его белоснежная кепка, до сих пор покоившаяся на коленях, упала на пол, но мужчина тут же поспешно подобрал ее.

Гуров остановился по центру помещения, смерил пристальным взглядом неизвестного мужчину с головы до ног, а затем сфокусировал все свое внимание на старшем лейтенанте и спросил:

– Вы можете прерваться, Жора?

– Без проблем, товарищ полковник, – кивнул Бурмистров и, уже обращаясь к свидетелю, добавил: – Обождите в коридоре, Олег Олегович. Мы продолжим беседу через пару минут.

Мужчина послушно покинул кабинет. Гуров тем временем занял свободный стол, раскрыл папку и вооружился шариковой ручкой. Крячко прошел вперед, к рабочему месту Бурмистрова, и, не спрашивая разрешения, угостился одним из жареных роллов. Старлей благо-разумно не стал протестовать.

– Кто это был? – качнул головой Лев в направлении двери.

– Свидетель утреннего происшествия на Старогвардейской. – Бурмистров опустился на стул и осторожно, так, чтобы не заметил Крячко, потянул на себя газету с «японскими деликатесами». – Но абсолютно бесполезный, товарищ полковник. Из разряда активистов, которые, по существу, ничего не видели и не слышали.

– А чего ты тогда с ним возишься? – искренне удивился Стас. – Гони его в шею. Если сам не в состоянии справиться, старлей, так тебе всего-то и нужно, что обратиться за помощью к старшим и более опытным товарищам.

– В общих чертах полковник Крячко прав. – Гуров одарил напарника осуждающим взглядом. – Не в такой грубой форме, конечно, но... Закругляйся с ним побыстрее, Жора. У меня есть для тебя ответственное поручение.

– Какое?

– Отправляйся к баллистикам, и я разрешаю в буквальном смысле слова сесть им на шею. Что-то уж больно долго они там возятся. Мне нужен отчет по оружию, Жора. Чем скорее, тем лучше. Не отпускай их, пока не добьешься его. И вообще, возьми на себя эту линию. Сумеем отыскать оружие – сделаем полдела... Что по сегодняшнему инциденту? Убитого опознали?

– Да, тут проблем не возникло. – Заметив, что Крячко вновь тянется к его закуским, Бурмистров подтянул к себе газету еще ближе. Однако подобная мелочь не смогла остановить Станислава. Едва ухватив воздух вместо желаемой снеди, он решительно подался вперед, сграбастал сразу два ролла одновременно и активно заработал челюстями. Старлей обиженно сморщился и продолжил: – У него были при себе документы. На имя Глухова Юрия Александровича. Пенсионер. Шестьдесят два года. Проживает в Подмосковье по адресу: Домодедово, улица Коломейцева, 3. Это частный дом, прямо рядом с лесопарковой зоной, насколько я понял. Приходилось бывать там по службе... Ну, товарищ полковник! Это уже совсем наглость! – вскинулся Георгий, когда Крячко, переработав во рту оба ролла, потянулся за третьим. На подставке оставалось шесть штук. – Я катастрофически недоедаю! У меня девушка – топ-

модель, что в переводе на русский означает: безработная без всяких навыков ведения домашнего хозяйства. А мне нужны калории.

– Не ной, старлей! – парировал Станислав. – Бог велел делиться.

– Но он не велел съедать все у ближнего.

– Перечитай Библию.

– Такого в ней не написано.

– В моей написано. Я тебе одолжу на время. Полистаешь, – хмыкнул Стас, и рука его вновь коршуном распласталась над столом, накрывая подставку с роллами.

Бурмистров поспешно подобрал ее и бережно прижал к груди. Взгляды двух сыщиков встретились. Крячко грозно нахмурился. Расправив широкие плечи, он демонстративно растянул ремень на наплечной кобуре и процедил:

– Пристрелю, старлей!

Глаза Бурмистрова испуганно округлились. Угроза старшего по званию коллеги оказалась ему вполне реальной, и он затравленно оглянулся на Гурова.

– Полковник Крячко шутит, Жора, – скупно улыбнувшись, успокоил новичка Лев. – Что там еще по Глухову? Пропустил его через базу данных?

– Это первым делом. – Бурмистров выдвинул ящик стола и убрал в него оставшиеся роллы. На всякий случай одним быстрым глотком допил остывший чай. – Вполне себе мирный дедушка. Ничего криминального в прошлом нет. Ни разу не привлекался. Живет вдвоем с женой. Есть две взрослые дочери, но они обе замужем и живут в других городах.

– Жмот ты, старлей, – разочарованно протянул Крячко, отошел в сторону и присел на подоконник. – Попросишь у меня как-нибудь закурить...

– Я не курю.

– Это пока.

Стас достал из кармана пачку сигарет. Щелчком выбил одну и прилепил к нижней губе.

– На кого зарегистрирована машина? – записав адрес утренней жертвы, спросил Гуров.

– На него и зарегистрирована. На Юрия Александровича.

– С женой связались?

– Пытались. Телефон выключен или вне зоны...

– Это она была с ним в машине?

– Скорее всего, – пожал плечами Бурмистров. – Но наверняка сказать не могу, товарищ полковник. У нас нет ее описания.

– Не она это, – подал голос Крячко, перекатывая на зубах фильтр неприкуренной сигареты. – Любовница. Поверьте моему опыту в подобных вопросах. Потому и сбежала сразу. Жена бежать не станет. Зачем жене бежать? Я вот в прошлом году встречался с одной замужней дамой... Так уж вышло... У нее, кстати, муж – один известный политик. Но в тот момент я еще не знал этого... Фамилии называть не буду. Сами понимаете, тут все-таки вопрос чести и этики...

– Стас, давай ты расскажешь эту потрясающую историю по дороге, – качнул головой Гуров, поднимаясь со стула.

– По дороге куда?

– В Домодедово. Нанесем визит новоиспеченной вдове по горячим следам. Тем более что на телефон она почему-то не отвечает. – Уже стоя в дверях, Лев обернулся к Бурмистрову: – А ты пошевеливайся, Жора. Заканчивай со свидетелем и дуй к баллистикам. Я жду от тебя звонка.

– Все понял, товарищ полковник.

Рука Бурмистрова потянулась к выдвижному ящику стола.

Крячко потянул носом, словно гончая собака. В помещении отчетливо угадывался запах самогона. Причем не самого качественного. Он неторопливо прошелся по комнате, разглядывая высокие стеллажи с многочисленными запыленными книгами, и в какой-то момент оказался за спиной бледной перепуганной женщины. Окинул ее критическим взглядом, после чего встретился глазами с напарником и сокрушенно покачал головой.

– Что с вашим телефоном, Галина Степановна? – обратился к жене убитого Гуров.

– Я его выключила.

– Зачем?

Плохо покрашенные в районе корней волосы Галины были растрепаны. Широкое скуластое лицо словно обсыпали мелом, и единственным живым ярким пятном на нем была безобразная бородавка с двумя торчащими в разные стороны короткими волосками чуть ниже левого глаза. Из одежды на женщине красовался только старенький застиранный халат с огромной дырой на правом боку, через которую без труда можно было рассмотреть бесформенные тела, давно утратившие былую свежесть и упругость.

– Не знаю. Это само собой вышло. После того, что случилось, я запаниковала. Не каждый день ведь происходит что-то подобное. Господи Иисусе! Прости меня, грешную! – Галина быстро перекрестилась и тут же спросила: – Что с Юрой? Он жив?

– Нет, – ответил Лев. Он не отрываясь следил за лицом собеседницы и заметил, как опасно выпучились ее огромные бесцветные глаза. – Ваш муж умер, Галина Степановна. Я сожалею. Но именно поэтому мы и здесь.

– Я видела дырку у него в голове. И из нее текла кровь. Ужас! Как вспомню, так прямо оторопь берет... Но я надеялась, что Юра все-таки... Хотя вы говорите...

– После выстрела в голову люди редко выживают, – негромко произнес Крячко, смещаясь левее и присаживаясь на край дивана рядом с круглым кофейным столиком.

– Откуда мне знать?! – неожиданно резво вскинулась Галина и каким-то образом исхитрилась повернуть голову к Станиславу. Мускулы на ее шее, плавно переходящей в подбородок, напряглись, как канаты. – При мне никогда никто не умирал подобным образом. Я ни разу не видела, как стреляют в людей и что с ними происходит после этого. Разве что по телевизору... Но это кино! Это не настоящая жизнь! Вы нашли душегубца?

– Нет. Если бы нашли, нас бы здесь не было. – Крячко взял со столика колоду карт и машинально перетасовал ее. – Мы надеялись, что именно вы подскажете нам, кто мог убить вашего мужа.

– Я? Почему я?

– Не знаю. – Не глядя на нее, Стас принялся неторопливо и методично раскладывать пасьянс. – Вы скрылись с места преступления, отключили мобильный телефон... Все это наводит на определенные размышления...

– На что это ты намекаешь, охальник? – Галина хотела было возмущенно подняться, но подлокотники кресла, тесно и прочно обхватившие ее филейную часть, удержали ее от этого порыва. – И не стыдно тебе говорить такое! Креста на тебе нет! Это что же получается? Вы считаете, это я убила Юру? Отца своих дочерей? Человека, с которым бок о бок прожила две трети жизни? И как у тебя язык не отсох только?!

Гуров тактично откашлялся, привлекая внимание Галины к своей персоне. Она зло зыркнула в его сторону.

– Не заводитесь, Галина Степановна. Никто вас ни в чем пока не подозревает. Думаю, полковник Крячко хотел лишь поинтересоваться, нет ли у вас предположений, кто мог желать смерти вашему мужу.

– Да кто ему мог пожелать такого? Юрке-то? – От первоначального страха женщины не осталось и следа. Провокация Станислава вывела ее из состояния ступора. Бледность отступила, щеки зарумянились. – Кому он нужен? Юрка мой – тихий мирный алкоголик, за всю

жизнь и мухи не обидевший. Он и дитя-то наказать не умел, когда следовало. Поркой занималась исключительно я. Впрочем, как и всем остальным. Дом на мне, хозяйство на мне... Дети тоже на мне. Пока не выросли... Хотя и сейчас тоже... Дочка вон приболела сильно. Танюша... Две операции за последний год перенесла, бедолага. Намаялась уж так намаялась. А муж у нее – не муж, а так, одно название. Художник. Знай себе малюет что-то с утра до вечера, никого и ничего вокруг не замечает... Как за такого вообще можно было замуж выйти? Муж должен быть работающим. Оплотом семьи... С этим нам обеим не повезло. Вот Наташенька, младшенькая наша. У нее муж еще ничего. Архитектор. На хорошем счету у начальства... Тоже выпивает, правда. Куда уж мужику без этого? Но Вадим меру знает. Два-три дня попьет, а потом неделю семью кормит. Денег несет, порядок в доме ценит. И поддерживает его сам...

– Давайте вернемся к вашему мужу, Галина Степановна, – решительно оборвал словоизлияния женщины Гуров. – Значит, вы утверждаете, что врагов и недоброжелателей у Юрия Александровича не было? Я правильно понимаю?

– «Врагов»! – презрительно фыркнула Галина. – Да какие там враги-то? У Юры один самый главный враг – он сам.

– Чем он занимался?

– Да ничем. Пенсионер он. Тунеядец. – Судя по тому, как Галина говорила о своем муже, она до сих пор в полной мере так и не осознала случившееся. – Раньше ничего было... На заводе он трудился. Токарем. И хорошим токарем, скажу я вам. Начальство его ценило. Уважительно относилось. По имени-отчеству, Юрий Александрович. Это ведь самое главное на работе, когда начальство тебя ценит... А я вот всю жизнь уборщицей, то тут, то там. До сих пор на трех предприятиях тружусь... Но ценят не везде...

– Но друзья у вашего мужа были? Приятели? Люди, с которыми он общался?

– Все его друзья – бутылки с самогоном, – снова фыркнула Галина. – Она внизу они, в подвале. Хотите познакомиться? Там Юрины друзья в полном сборе и сейчас заседают. Все полки забиты, а ему и этого мало... Гонит и гонит бормотуху свою. Разную гонит. Вино, пиво, водку... Правда, водкой он свой самогон не зовет. По-новомодному кличет. Виски там... Или джин... А по мне, самогон так и останется самогоном, как его ни назови. Хоть папой римским. Прости меня, Господи, грешную!

– На продажу он самогон тоже делал? – последовал новый вопрос.

– Хотелось бы! – поморщилась Галина, как от зубной боли. – Когда Юра только начинал этот свой домашний бизнес, мы планировали именно так и поступить. А чего? Желающих выпить в округе с избытком, а самогонка в разы дешевле, чем магазинная продукция. Только затея провалилась. Как и все, за что Юра брался в последнее время. Жаден он стал до выпивки. Все себе и себе... О продажах и думать забыл! Куда там! Уж сколько раз я ему говорила, а он все одно... Праздник скоро, дети приедут, самим мало... В общем, любой повод находил, чтобы не продавать свои несметные богатства. Чахнет над ними и знай себе попивает. Думает, что втихаря, что я не вижу... Если Юра и продавал что, то не больше пары-тройки бутылок в месяц. Разве это дело? Разве ж деньги? Смех, да и только! На мои заработки и жили, почитай. Вот ведь несурзность ходячая...

– Но иногда, значит, продавал? С людьми, стало быть, общался? Может, конфликты какие-то были? Конкуренция?

– Вы издеваетесь, что ли? Или не слушаете меня совсем? – Галина выпятила нижнюю губу. – Я же говорю: тихий, мирный алкоголик. А вы: «конфликты», «конкуренция»! Сразу видно, что Юрку мово не знаете.

– Может, у вашего мужа любовница была? – не отрываясь от раскладываемого на кофейном столике пасьянса, предположил Крячко.

Реакция женщины на эту реплику была незамедлительной. Словно она ее и ожидала. Галина вновь попыталась вскочить с кресла, но оно снова ее не пустило.

– Ты в своем уме, нехристь?! Чего он несет такое? Кака така любовница? Это у Юрки-то у моего? Любовница? Не смехи мои панталоны! Ха! Да, не при посторонних будет сказано, у Юрки с этим делом и так-то жиденько продвигалось, прости меня, Господи. Если вообще продвигалось. Мы уж, почитай, лет десять как забыли, что такое исполнение супружеского долга. И он, и я! А ты говоришь – «любовница», похабник ты эдакий! Ведь ляпнет такое! А подумать головой некогда было? Откуда у него время и силы на любовницу эту найдутся?

– Ну, тут от женщины зависит, – слегка растянул губы в улыбке Станислав. – Если женщина вызывает желание, то непременно и время, и силы найдутся.

– А я что? Не вызываю желаний, что ли? – Галина уперлась кулаками в свои бока, причем правый провалился в дырку халата.

– Стас! – поспешно вмешался в дискуссию Гуров, прежде чем напарник открыл рот.

– Что?

– Ты это... Ты ходил бы в подвал, осмотрелся там. Вдруг наткнешься на какую-то зацепку.

– Ну, ладно. – Станислав смешал неполучившийся пасьянс и неохотно поднялся с дивана. – Я только хотел сказать, что...

– Стас!

– Что это дело вкуса. А о вкусах, как известно, не спорят, дамочка.

– Думаешь, я Юркины вкусы не знаю? – буркнула Галина. – Еще как знаю! Досконально изучила их за столько-то лет. Не было у него никакой любовницы. Даже не сомневайтесь! Потому как если б была, я уж непременно прознала бы. А прознав, такое бы устроила! Мало не показалось бы! Ни ему, ни ей! Всем бы волосья повыдергивала. И Юра знал об этом... И побоялся бы...

– Так, может, в этом и дело? – не сдавался Крячко.

– В чем?

– В том, что вы что-то узнали.

– Стас! – снова осадил напарника Гуров. – Осмотри подвал.

– Да иду я, иду!

– Это он чего имел в виду? – нахмурилась Галина, когда Крячко неторопливо вышел из комнаты. – Что я должна была узнать? Вам известно что-то, чего я не знаю? Да?

– Это он гипотетически, Галина Степановна.

– Как? Гипотетически? Это в каком смысле?

– Полковник Крячко только высказал предположение, – вздохнул Лев. – Ни на чем конкретно не основанное. Поймите, Галина Степановна... Дело крайне серьезное. Мы ищем хладнокровного убийцу. Причем убийцу серийного. Ваш муж не единственный в списке жертв... И мы вынуждены прорабатывать все возможные версии. Я искренне надеюсь на вашу помощь. Сосредоточьтесь, пожалуйста. Сейчас я назову несколько фамилий, а вы скажите, не знакомы ли вам какие-то из них.

– Какие еще фамилии?

– Например, Елена Кончалович...

– Это еще кто? – Женщина вновь вытаращила глаза. – Это та самая любовница, на которую намекал ваш друг? Гипотетически?

– Нет. Это одна из жертв, – терпеливо объяснил Гуров. – Ее убили вчера вечером. Точно так же, как и вашего мужа.

– Кто ее убил?

– Этого мы не знаем...

– За что?

– Галина Степановна... – У Льва было ощущение, что он, как баран, ломится в закрытую дверь. – У меня нет ответов на ваши вопросы. Напротив, это как раз я пытаюсь найти ответы. С

вашей помощью. Просто скажите, вам знакома Елена Кончалович? Вы слышали когда-нибудь эту фамилию?

– А должна была? – не унималась Галина.

– Да или нет?

– Нет.

– А фамилию Штурм? Леонид Штурм.

На этот раз женщина призадумалась. Гуров терпеливо ждал.

– Через три дома от нашего живет какой-то Ленька. Фамилии его я не знаю. Можя, и Штурм. Мрачный все время такой. Вечерами ходит туда-сюда по поселку и норовит в окна заглядывать.

– Думаю, это не он, – покачал головой Лев, сдерживая улыбку. – А как насчет Мэйтата Коджо?

– Нет, спасибо, – Галина поерзала в кресле. – Я такими вещами не увлекаюсь. И вам не советую. Во всяком случае, не в моем доме. Если уж вам так приспичило, можете выйти на улицу и покурить, что вы там курите. Или нюхаете, я не знаю...

Разъяснять женщине, что речь идет о бывшем студенте МГИМО, Гуров не стал. Из ее реакции и так было понятно, что она не знакома с самой первой жертвой неизвестного снайпера.

– Вам придется проехать с нами, Галина Степановна, – в завершение допроса сказал полковник и первым поднялся со стула.

– Куда это?

– В Управление. Нам необходимо официально запротоколировать ваши показания, а вы... Я заранее прошу прощения, но эта неприятная для вас процедура обязательна... Вы должны опознать вашего мужа. Это тоже часть протокола, Галина Степановна.

– О боже! – Женщина вскинула руки и закрыла ладонями лицо. – Я... Я не могу... увидеть Юру... таким...

– Еще раз сожалею, – искренне посочувствовал Гуров.

В комнату вернулся Крячко, держа в руке бутылку из темного стекла. Замер на пороге и, встретившись глазами с Галиной, с деловым видом проговорил:

– Это мы конфискуем. На экспертизу. – А затем шепотом добавил, обращаясь к приблизившемуся вплотную напарнику: – Надо же попробовать, чего он тут бодяжил. Там реально целый арсенал, Лева. Но остальное меня не впечатлило, а это вроде бы ничего. Запах приятный. Абрикосовый.

– Ты что, пил? – нахмурился Гуров.

– Кто? Я? Нет. Только нюхал. Но ты, если хочешь, можешь глотнуть. Я никому ничего не скажу. Хотя нет... Тебе же машину вести. Я-то без прав сегодня.

Галина с трудом выбралась из тесного кресла. Одернула на себе рваный халат, пригладила широкой ладонью торчащие в разные стороны волосы. Ее большие выпученные глаза наполнились слезами. Было видно, что она еле сдерживается, чтобы не разрыдаться при посторонних.

– Вы... Вы позволите мне переодеться?

– Конечно, – кивнул Лев.

– Это не обязательно, – растянул в улыбке губы Крячко. – Вы и так прекрасно выглядите.

– Стас! – нахмурился Гуров. – Ты не многовато ли там нанюхал?

– А что? Я пытаюсь быть любезным. Мне показалось, что тебе не понравилось, как я общался с ней до этого. Вот исправляюсь... На тебя не угодишь, старик. Что бы Крячко ни делал, все он делает не так. Да?

Галина молча вышла из комнаты.

Глава 2

– Прошу вас, присаживайтесь. – Главврач Восьмой областной больницы Николай Феликсович Кривоногов, грузный мужчина лет пятидесяти с роскошной седой шевелюрой и гладко выбритым лицом, гостеприимно взмахнул рукой в направлении длинного стола на двенадцать персон, затем прошел к вешалке, снял с себя халат и остался в дорогом шелковом костюме цвета морской волны. Галстук под воротом белоснежной рубашки был того же оттенка. – Хотите чай? Или кофе?

– Нет. Спасибо, – отказался Гуров, занимая одно из свободных мест.

Николай Феликсович опустил в низкое крутящееся кресло во главе стола, выудил из нагрудного кармана пиджака носовой платок и высморкался. Дважды приглушенно кашлянул.

– Простите, – улыбнулся он, обращаясь к сыщику. – Я немного не в своей тарелке сегодня. Суматошное утро. В больнице аврал, все на ногах с шести утра, а меня, как назло, угораздило простудиться. И это в тридцатиградусную жару! Можете себе представить? Уверен, такое только со мной могло приключиться. И это уже не в первый раз. Я частенько подхватываю простуду летом. Хотя сам виноват... Грешен... Люблю, знаете ли, на сон грядущий жахнуть ледяного морсика из холодильника. Да! Представьте себе! Даже среди врачей встречаются такие безответственные субъекты. Скажу вам по строжайшему секрету... Среди врачей таких субъектов даже больше, чем среди остальных. – Кривоногов рассмеялся, но почти тут же его смех перешел в кашель. Николай Феликсович вновь потянулся за платком. Высморкался.

– Зато у врачей есть преимущества, – улыбнулся в ответ Гуров. – Все необходимые медикаменты под рукой. В аптеку бежать не нужно.

– Ой! Да бросьте! – отмахнулся Кривоногов. – Какие там медикаменты! Чего ради я стану травить себя неизвестно где изготовленной химией. Сейчас же никакого доверия к фармацевтическим компаниям. Кругом одни жулики! К тому же обычная простуда – заболевание не смертельное. Радикальные меры не нужны, вполне можно обойтись и старыми народными средствами. Вот, – придвинул он к себе стоящий на столе компактный термос. – Лучшее лекарство от простуды. Куриный бульон. Особенно в исполнении моей супруги. За два дня поднимает на ноги. Максимум. А еще настой из плодов шиповника. Он у меня тоже с собой... Простите... Из какого, вы сказали, вы ведомства?

– Главное управление уголовного розыска.

Николай Феликсович сокрушенно покачал головой:

– Это из-за Ленки? Да? – Одной рукой он скрутил крышку с термоса, перевернул и налил в нее бульон. Кабинет наполнился куриным ароматом. Из крышки поднимался едва заметный пар. – Я ждал вашего визита. Убийца еще не найден?

– Еще нет.

– Это крайне неприятная история... – Кривоногов опустил взгляд. Яркий свет из окна за спиной эскулапа серебрил его седую шевелюру. – Я слежу за ней особо пристально. Погиб близкий мне человек. Ведь Ленка был не только моим коллегой и подчиненным. Он был моим другом. Мы вместе учились в школе. Шесть лет за одной партой. А потом он чуть не женился на моей младшей сестре... – Николай Феликсович позволил себе улыбку, потому что воспоминания были из разряда дорогих и приятных. – Полгода они встречались. Сразу, как только Аленка окончила школу. А потом она нашла себе другого. Вот дурочка! Помню, я тогда несколько месяцев с ней не разговаривал. И Ленка тоже... Но простили, конечно. Дело-то молодое было. А с Ленкой мы до сих пор дружим... Дружили. Каждые выходные на рыбалке, да и работали бок о бок... – Он неожиданно громко чихнул и тут же поднес к лицу платок. – Извините.

– У вас есть предположения, кто мог желать смерти Леониду Вениаминовичу? – задал свой первый вопрос Гуров.

– Представления не имею. На мой непрофессиональный взгляд в данном вопросе, это какое-то дикое недоразумение. Ну, сами подумайте! Ленька ведь не был ни наркоторговцем каким-нибудь, ни политиком...

– К сожалению, убивают не только наркоторговцев, Николай Феликсович. Да и политиков, пожалуй, реже, чем кого бы то ни было.

– Это понятно, – протянул Кривоногов. – Но Ленька... Он ведь врач. Хирург. Он нес добро. Спасал жизни людей. Порой в самых критических ситуациях. Вы знаете, сколько благодарных людей обивали его пороги? А тут... – Гурову показалось, что на долю секунды во взгляде Николая Феликсовича мелькнула искра какого-то сомнения, но уже через мгновение он снова потянулся за порцией бульона. – Одним словом, я и представить себе не могу, кто мог сотворить подобное зверство. Стрелял ведь снайпер? Так?

– Да. Именно.

– Стало быть, вряд ли эта пуля случайная. Стало быть, заказуха. Наемный киллер...

– Это необязательно, – ввернул Лев.

– Но очень на то похоже. Верно? – Эскулап собирался было чихнуть еще раз, но мужественно сдержался. – А если это вдруг все-таки заказуха, значит, кто-то желал Леньке смерти. Стало быть, были враги. Стало быть, я, как его близкий друг, должен был знать об этом... Но я не знаю...

– Может, в последнее время с Леонидом Вениаминовичем происходило что-то необычное? – предположил Гуров. – Не замечали? Постарайтесь вспомнить. Он говорил о чем-то? Был чем-то обеспокоен?

– Да вроде бы ничего такого. – Николай Феликсович шмыгнул носом. Рядом с его правой рукой завибрировал лежавший на столе мобильник, но главврач только бросил взгляд на дисплей и отвечать на вызов не стал. – Я бы заметил. Конечно, случались рабочие моменты... Они постоянно случаются. Ежедневно. Определенные вопросы могли беспокоить Леньку, но... Не более, чем в прошлом месяце. Или в прошлом году...

– Конфликты?

– Нет. Совершенно точно – нет. Уж об этом мне доложили бы непременно.

– А что насчет карьерного роста? Насколько мне известно, Леонид Вениаминович занимал должность заместителя заведующего хирургическим отделением...

– Верно.

– А ему было...

– Пятьдесят два. Как и мне. – Кривоногов добавил в крышку еще горячего бульона. Прочистил горло. – Я понял, к чему вы клоните. Обычно люди талантливые и амбициозные к пятидесяти годам уже занимают более высокие места. В особенности если они – близкие друзья главного. То есть мои... Но Ленька-то как раз и не был амбициозным. Скорее наоборот. Я несколько раз предлагал ему более спокойное кресло. Не заведующего хирургическим, правда, но... не менее почетное. А он всякий раз отказывался. Для Леньки важна была практика. Постоянная практика. Без практики он быстро зачах бы. И я понимал его позицию на этот счет.

– А почему не хирургического? – зацепился за случайно оброненную фразу Лев.

– Что? – не сразу понял Кривоногов.

– Вы сказали, что предлагали своему другу спокойное кресло, но не кресло заведующего хирургическим отделением. Почему?

– Ну, ... – Николай Феликсович растянул губы в улыбке. – От вас ни одной мелочи не скроешь. Сразу видно, профессионал... Я уважаю профессионалов... Однако тут нет никакого подвоха. На этой должности у нас Большунов Игорь Карпович. Очень-очень давно. Когда я только пришел работать в больницу, Игорь Карпович уже был заведующим хирургическим. Великий человек! Столп! Сейчас ему семьдесят четыре, но он все еще в строю. И будет в строю до тех пор, пока сам не примет решение уйти на пенсию. У меня просто рука не поднимется

уволить Игоря Карповича. Слишком велико почтение к этому человеку. Да и дело он свое по-прежнему прекрасно знает. Леня, кстати, тоже разделял эту позицию. И не претендовал.

– То есть конфликта между ними быть не могло?

– Абсолютно верно.

– Уверены?

– Уверен.

– А что насчет личной жизни Леонида Вениаминовича? – пустил беседу несколько по иному руслу Гуров. – По нашим сведениям, он разведен. И давно.

– Здесь все печально на самом деле, – вздохнул Николай Феликсович. – Поначалу личная жизнь Ленки была постоянным предметом насмешек и подколов, но со временем это стало даже некорректным. Его жизнь в браке продлилась меньше года. Все последующие попытки обзавестись семьей тоже терпели фиаско. С какой бы женщиной он ни сходился – полгода, год, пару месяцев... Ничего долгосрочного.

– Почему?

– Работа такая, – пожал плечами главврач. – Постоянные задержки допоздна, экстренные вызовы посреди ночи, бесконечные звонки... Надо быть святой женщиной, чтобы такое выдержать. Ленка святую не встретил. Мне вот повезло, например... Есть и другие примеры, но они крайне редки. Человек так уж устроен, что ему больно делить внимание любимого с кем-то или с чем-то. Тут должна быть по-настоящему великая любовь.

– Понимаю, – кивнул Лев. – А он поддерживал отношения с бывшей супругой?

– Нет. А зачем? Детей у них не было. Общих интересов тоже.

– А с другими бывшими пассиями?

– Та же история. – Николай Феликсович сделал очередной глоток из крышки и бросил взгляд на наручные часы. – Вы извините, у меня обход через десять минут.

– Еще буквально пару вопросов... – Гуров не спешил подниматься из-за стола. – Это не займет много времени. Дело в том, что Леонид Вениаминович был не единственной жертвой неизвестного снайпера, и мы пытаемся найти связь...

– О да! – поспешно перебил его Кривоногов. – Я тоже пытался ее отыскать. И не сумел.

– Прошу прощения?

– Связь. Между жертвами. Говорю же вам, с тех пор как Ленка погиб, я внимательно слежу за новостями по данному делу. Пытаюсь осмыслить случившееся, так сказать... И мысль о том, что жертвы могли быть как-то связаны между собой, тоже пришла мне в голову. Я пытался вспомнить, но не смог... Просмотрел всю нашу базу данных, на случай, если кто-то из убитых мог быть нашим давним пациентом, но... Тоже нет. Могу предоставить вам картотеку.

– Это было бы весьма кстати.

– Не вижу препятствий, – картинно развел руками Николай Феликсович. – Но предупреждаю: зря потратите время. Я лично все проверил. Связи нет. Ни малейшей.

– А если без картотеки?

Главврач покачал головой. Вновь коротко бросил взгляд на часы. Допил бульон и вернул крышку на прежнее место.

– Сожалею, но увы... Коджо работал в судоходной компании. Ленка никак не мог с ним пересекаться. Просто нереально. Поверьте мне на слово. Волейболистка... Ну, тут есть, конечно, варианты... Чисто теоретические... И то... Ленка был заядлым болельщиком, как и я, впрочем. Но мы больше по футболу фанатели. На волейбол ходили раза три-четыре за всю жизнь. Но на мужской. На наше местное «Динамо». А на женский... Причем в высшей лиге... – Кривоногов еще раз покачал головой, сморщился, собираясь чихнуть, сдержался и приложился к платку. – Я считаю, что нет. Ну а по последнему убитому, Глухову... С ходу на ум тоже ничего не приходит... Если что-то вспомню, непременно сообщу.

Гуров все же поднялся, собираясь уходить. Николай Феликсович незамедлительно последовал его примеру, прошел к вешалке и надел белоснежный халат. Аккуратно застегнул его на все пуговицы. Затем извлек из бокового кармана и надел защитную трехслойную маску, под которой скрылась нижняя часть лица.

– Где и как я могу взглянуть на картотеку? – поинтересовался Лев.

– Пойдемте. – Кривоногов указал рукой на дверь. – Моя секретарша вам поможет. А я еще раз прошу прощения... Суматошное утро...

– Арестовать? Меня? За что?

Невысокого роста, коротко стриженная брюнетка с рвущимся наружу аппетитным бюстом удивленно заморгала длинными пушистыми ресницами. Тоненькая бумажная папка выскользнула у нее из пальцев и едва не приземлилась на пол, но Крячко проворно подхватил ее на лету. Попутно успел заглянуть в вырез белоснежного медицинского халата. Девушке было около двадцати пяти лет, а на бейджике с правой стороны груди красовалось давно забытое исконно русское имя Евдокия.

– Дусенька, – выдал он одну из самых своих лучезарных улыбок. – Вы ведь позволите называть вас Дусенькой?

– Так меня зовет только мама. Но если вам угодно, товарищ полковник...

– Ну что вы! – Крячко бережно взял девушку под руку и неторопливо отвел ее в сторону. Бросил взгляд через плечо в направлении столика дежурной сестры. Тоненькая папка по-прежнему была в его руках, и он не спешил отдавать ее своей прекрасной юной собеседнице. – Какой же я вам «товарищ»? Друг! Только друг, Дусенька, и никак иначе. И зовите меня просто Стас. Это ведь я на вид такой грозный и умудренный опытом... А на самом деле в душе... В душе я все тот же безусый юнец, каким был... эээ... лет десять-пятнадцать назад. Надеюсь, мы договорились?

– Да... Стас... Но... За что же я все-таки арестована?

– А вы сами не догадываетесь?

Они остановились возле окна. Девушка подняла голову, еще раз взмахнула ресницами, и ее взгляд встретился с теплым взглядом Станислава.

– Нет.

– За нарушение общественного порядка, конечно. Своей красотой вы повергаете окружающий вас мир в хаос и смятение...

– Ой! Перестаньте! – Евдокия глупо захихикала. – Что за нелепые розыгрыши?

– Ну, почему же розыгрыши? – не согласился Крячко. – Я всегда очень ответственно подхожу к своим обязанностям. Заслужили – получите... Я ведь, Дусенька, давно за вами наблюдаю.

– Правда?

– Да. Вы ведь здесь работаете уже... эээ...

– Третий год, – живо подсказала Евдокия.

– Не может быть! – присвистнул Стас. – Третий год! Как время летит! Это же страшно представить. А мне казалось, только вчера я бродил бессонными ночами вот под этими самыми окнами, вздыхал, лелеял надежду увидеть хоть на мгновение вашу тень, Дусенька...

– Вы опять шутите? – недоверчиво прищурилась девушка.

– Если бы! – вздохнул Станислав. – Я ведь, знаете ли, по природе очень скромный человек и никогда не решился бы заговорить с вами, если бы не оказия... Печальное стечение обстоятельств. Жаль... Жаль, что нам пришлось познакомиться с вами при таких обстоятельствах.

– О чем вы?

Крячко выдержал театральную паузу. Рука словно сама собой легла на тонкую талию девушки.

– Я здесь по долгу службы, Дусенька. В связи с недавней гибелью вашего босса Леонида Вениаминовича Штурма. Заместителя заведующего хирургическим отделением, в котором вы, как мне известно, денно и нощно трудитесь медсестрой. Все верно?

– Да. – Евдокия мгновенно погрузилась, но не отстранилась от него. Она как будто не замечала теплой ладони Крячко, медленно и плавно заскользившей по ее бедру. – Я слышала. Это кошмар! Когда ты знаешь человека, общаешься с ним каждый день... А потом вдруг узнаешь, что его больше нет. Прямо мурашки по коже... И кому понадобилось совершать такое? Дикость! Леонид Вениаминович был всегда таким добрым, обходительным...

– Так-то оно так, – согласился Крячко, присаживаясь на подоконник и увлекая за собой собеседницу. В какой-то момент Евдокия осознала, что уже сидит на его колене. – Но если бы все было так просто, Дусенька, меня бы здесь не было. Я ведь, невзирая на молодость, большая «шишка» в угро. Очень большая, Дусенька! Мелочовкой обычно не занимаюсь... Для этого у меня есть помощник. Младший лейтенант Гуров. Способный малый, способный, но... не того полета. Он сейчас общается с вашим главным. А я тут... так сказать, осматриваюсь. Изучаю обстановку. И знаете, к какому я пришел выводу?

– К какому?

– Попахивает международным заговором.

– Заговором?

– Именно, именно. Я этот запах уже на профессиональном уровне чувствую.

– Вы хотите сказать, что Леонид Вениаминович был замешан в международном заговоре?

– А что, информация уже просочилась? – нахмурился Крячко. Он вручил-таки девушке ее оброненную папку и освободившейся рукой нежно обнял за плечико. – Враг не дремлет, Дусенька. Это нехорошо... Вся надежда теперь на вас. Больше мне довериться некому.

– Я... Я помогу, чем могу. А что нужно делать, Стас?

– Информация, Дусенька! Кто владеет информацией, тот владеет миром. Это еще Тютчев сказал...

– Поэт? – удивилась Евдокия.

– Это для вас он поэт. А для Европы!.. Я как-нибудь расскажу вам на досуге. За чашкой утреннего кофе, например. А сейчас не об этом. Сейчас мы должны спасти страну, Дусенька. Вы обязаны стать здесь моими ушами и глазами. Это как минимум. Задача номер один для вас: узнать, какие отношения были между покойным Леонидом Штурмом и его коллегами по работе. Не случалось ли каких-то конфликтов? Не было ли угроз со стороны родственников пациентов? А главное, что скрывал от всех покойный... А он ведь скрывал! Верно?

– Я не знаю, – растерянно пролепетала Евдокия.

– Узнайте, – напутствовал новоиспеченную «Мату Хари» Крячко. – В этом деле важна каждая мелочь, Дусенька. Без мелочей нам никуда.

– Я знаю, что Леониду Вениаминовичу много носили, – встрепенулась Евдокия. – Ну... благодарные клиенты.

– Кто носил? Сколько? Имена? Фамилии? Мне нужна конкретика, Дусенька. Во всем. Как в этих вопросах, так и в наших возможных отношениях. Понимаете?

– Понимаю. – Евдокия таяла, как эскимо под палящими лучами солнца. Голос ее сделался томным, дыхание прерывистым. – Но конкретики у меня нет. Относительно ваших вопросов... Стас... Впрочем, это можно выяснить, заглянув в картотеку. Я вспомню фамилии, если сопоставлю даты.

– Это было бы прекрасно, Дусенька. – Крячко чуть склонился, и его губы легко, как дуновение ветерка, коснулись мочки правого уха медсестры. Девушка блаженно закатила глаза. – Вы и представить себе не можете, как много это будет для меня значить. И насколько велика будет моя благодарность... А вы ведь знаете, если человек счастлив, то счастливы и все, кто находится рядом с ним. Это еще Бисмарк сказал.

– Кто?

– Не забивайте голову ерундой. Это ведь он не вам сказал. И не мне. А одному своему грозному политическому оппоненту. Но тут важна суть...

Звякнул лифт, возвещая о прибытии на этаж очередного пассажира, и в общем коридоре хирургического отделения появилась полная, преклонных лет дама в небрежно накинутом поверх пестрого балахона белом халате. Компактная кожаная сумочка прижата к огромной груди.

– Извините, – обратилась она к Евдокии. – Как мне найти ординаторскую?

– Направо, и третья дверь с левой стороны. Там написано.

– А Григорий Романович там?

– Не могу сказать наверняка... – Евдокия поднесла ладони к пылающим щекам. – Он в больнице, но... Скоро плановый обход... Вы спросите...

Не утруждая себя словами благодарности, дама круто развернулась и поплыла прочь. Едва ее добротная фигура скрылась за поворотом, девушка почувствовала, как Крячко прильнул к ней всем телом. С уст медсестры сорвался негромкий стон.

– Я поняла, Стас, – ответила она, не оборачиваясь. Их пальцы переплелись. – Постараюсь узнать о Леониде Вениаминовиче как можно больше. Благодарности... Конфликты... Улики, указывающие на возможность международного заговора... Не упущу ни одной мелочи.

– И немедленно звоните, Дусенька. – Свернутый трубочкой клочок бумаги проворно опустился в вызывающее декольте медсестры. – В любое время суток. Я буду всегда рад услышать ваш чарующий голосок...

– А как насчет моего голоска? – неожиданно раздалось слева. – Я могу звонить тебе в любое время суток?

Крячко отпустил девушку и обернулся. Его взгляд встретился со взглядом напарника.

– Это ты? – изобразил на лице неестественную улыбку Станислав. – Уже освободился?

– Простите, если помешал...

– Все в порядке. Мы уже закончили. Не правда ли, Дусенька? – Стас склонился и нежно поцеловал девушку в щеку. Шепотом добавил: – Это мой папа. Проходит у вас ежемесячное плановое обследование. У проктологов. Он грубый, как дикарь, но я люблю его. Родная кровь как-никак. Святое дело. Сами понимаете.

– Да... Понимаю...

– Я буду ждать вашего звонка.

– Обязательно, Стас.

Евдокия быстро засемила к дежурному посту. Крячко обласкал взглядом ее тоненькую фигурку и протяжно выпустил воздух из легких.

– Мы договаривались, что ты пообщаешься с персоналом, – нахмурившись, напомнил Гуров.

– А я с кем, по-твоему, общался? – искренне обиделся Крячко. – С троюродной сестрой из Днепропетровска? Вот что ты за человек, Лева?! Вечно ко мне цепляешься... Я, между прочим, тут вербовкой занимался. И вербовкой успешной.

– Это я заметил, – скупой улыбнулся Лев. – Только почему-то все твои вербовки носят личностный характер. Ты сам не замечал?

– Какая разница, какой характер они носят? Лишь бы приносили плоды. И под плодами я имею в виду информацию, а не то, что ты подумал... Нам нужна агентурная сеть, Лева, если мы хотим что-то выяснить... Не вот так вот в лоб, напрямую, бесхитростно, как ты это делаешь...

– Ладно. Я тебя понял, Штирлиц, – отмахнулся Гуров, прекрасно зная, что переспорить и переговорить напарника ему не удастся. – Поехали дальше.

– Поехали? Куда? Ты узнал что-то у главврача?

– Пока ничего конкретного. Я же бесхитростный и прямолинейный. Куда мне? – хмыкнул Лев.

– Вот давай только без этого! Я же так... Образно...

Бурмистров долго и пристально смотрел в экран монитора с застывшим на нем документальным кадром времен Корейской войны. На какое-то время старший лейтенант даже умудрился забыть о своих пончиках в компактном бумажном пакете с фирменной надписью «Пекарня Лидии». Половинка одного из недоеденных пончиков торчала у него изо рта. Сидящий за компьютером шестидесятитрехлетний лысый, как бильярдный шар, баллистик, не спеша снимать видео с паузы, поднял взгляд на Бурмистрова. Георгий дважды моргнул и, быстро прожевав пончик, спросил:

– И что я должен здесь увидеть?

Баллистик вздохнул.

– Вы спрашивали меня, почему отчет составлялся так долго, молодой человек, – вздохнув, пояснил баллистик. – И вот ответ перед вами. Прямо на экране.

– Какой ответ?

– Это Корейская война.

– Я вижу, что не афганская, Казимир Ильясович, но по-прежнему не понимаю, при чем тут...

– Вы видите, что в руках у этого человека? – Желтый морщинистый палец баллистика с обгрызенным ногтем ткнулся в экран.

– Винтовка. С оптическим прицелом.

– Это не просто винтовка, молодой человек, – нравоучительно прошамкал Казимир Ильясович, поджимая губы при каждом слове. – Это и есть искомая нами с вами винтовка. «Спрингфилд – М1903» американского производства. Модификация А4, что, собственно говоря, и означает дополнение к стандартному виду оптического прицела. Состояла на вооружении американской армии с 1903-го по 1957-й. По неподтвержденным данным, «Спрингфилд» использовался отдельными частями морской пехоты США вплоть до 1969 года, но, повторюсь, прямых доказательств тому нет. Последний раз «Спрингфилд» видели именно в Корею в 1953 году. Что и показано на этом видео... То есть я хочу сказать, что эти винтовки давно уже никто не использует, хотя присущий ей калибр 7,62 довольно распространенный. И крайне популярный, я бы сказал. Это и завело нас в тупик при составлении отчета. Пришлось изрядно попотеть, дабы докопаться до истины. Так и передайте полковнику Гурову.

– Я передам, – кивнул Бурмистров, отправляя в рот новый пончик. – Но вы гарантированно уверены, что нам нужна эта самая винтовка?

– Вне всяких сомнений, молодой человек. – Казимир Ильясович протянул руку и свернул на экране монитора файл с документальным видео. Взорам мужчин теперь предстала картинка рабочего стола, изображавшая бескрайнюю пустыню. – Об этом свидетельствуют характерные нарезки на пулях... В итоге основные характеристики таковы: масса винтовки с патронами – 3,95 килограмма, общая длина – 109,8 сантиметра, ствол – 61 сантиметр, калибр – 7,62 миллиметра, как я уже и говорил ранее, прицельная дальность – 550 метров. Есть еще множество дополнительных характеристик, но они все детально представлены в нашем отчете. – Баллистик сдвинул на край стола заранее приготовленную для Бурмистрова папку. – Это определенно та самая винтовка, из которой были застрелены все четыре жертвы. Но знаете, что еще вызвало у меня первоначальное сомнение?

– Что же? – Георгий вытер руку о штанину, взял папку и, не раскрывая, сунул ее под мышку.

– «Спрингфилд» – большая редкость в нашей стране. Ее использовали многие страны, от США и Великобритании до Кубы и Никарагуа. Но никогда в России. И никогда прежде в СССР.

– А купить? – предположил Бурмистров.

– Купить у нас сейчас можно практически все, – согласно качнул головой Казимир Ильясович. – В том числе и «Спрингфилд – М1903». Однако... Только маркировки А3. Маркировки А4 вы не найдете нигде.

– Но где-то же киллер ее раздобыл...

– Именно, молодой человек. – Баллистик удобно откинулся в кресле, заложив руки за голову и с загадочной улыбкой смотря на старшего лейтенанта снизу вверх. – И я не поленился сделать за вас вашу работу. Мне просто стало крайне любопытно... Я позвонил одному моему знакомому коллекционеру, помешанному на оружии. Обрисовал ситуацию. И знаете, что он мне сообщил?

– Если скажете, узнаю. – Бурмистров извлек из фирменного пакета пекарни очередной пончик.

– Такая винтовка была ввезена в СССР в единственном экземпляре, – победно произнес Казимир Ильясович.

– Да неужели? – Рука старлея замерла в воздухе, в нескольких сантиметрах ото рта, так и не доставив пончик по назначению. – Это же невероятная удача! Вот новость так новость! Прямо порадовали.

– Не забудьте и об этом упомянуть в разговоре с полковником Гуровым, – расплылся в улыбке баллистик.

– Не забуду. И где сейчас эта винтовка? У кого?

– Ее владелец – отставной генерал армии США Джеймс Хейвуд. Приехал в Россию в 1961 году, влюбившись в молоденькую уроженку Белоруссии. Они поженились, переехали в Москву... Однако сам генерал Хейвуд давно уже мертв. Сердечный приступ в 1987-м.

– А его жена?

– Не слишком ли много вы хотите от простого балластика, молодой человек? – покачав головой, нараспев протянул Казимир Ильясович. – Я и так предоставил вам информации больше, чем следовало. О вдове Хейвуда я ничего не знаю. Попробуйте поработать сами. Хоть иногда.

Бурмистров не обиделся. Отправив-таки пончик в рот, он энергично заработал челюстями, сияя при этом, как начищенный самовар. Георгий уже видел себя в чине капитана, к званию которого его непременно представят в случае быстро и успешно раскрытого дела.

– Я вас понял, Казимир Ильясович. Спасибо. – Тут в боковом кармане пиджака старлея зазвонил мобильник, и он, выудив аппарат, бодро ответил на вызов: – Да, Ирунчик! Слушаю тебя... Ну, прости... Я работал. У тебя что-то срочное, милая? Какой документ? Зачем мне содержание, Ирунчик? Просто скажи, как он назывался... А если ты не помнишь, как я могу помнить?... Подожди, без паники... Сейчас подскажу. Давай для начала включи компьютер. Хорошо?...

Автомобиль под уверенным и спокойным управлением Гурова плавно закатился на одно из свободных парковочных мест перед зданием физкультурно-оздоровительного комплекса «Звездный». Асфальт буквально плавился от жары. В воздухе нещадно парило. Он выключил двигатель и промокнул шею платком.

– ...я не виноват, что вся моя агентурная сеть состоит исключительно из представительниц женского пола, – продолжал монотонно вещать на соседнем сиденье Крячко. – Ты думаешь, я к этому стремлюсь, Лева? Вовсе нет... Оно как-то само собой выходит. Как предначер-

тание свыше. Я же не виноват в своей неотразимости! Женщин тянет ко мне, как... мотыльков на свет. Это мой дар... И мое проклятие...

– Ну да, – усмехнулся Лев. – Ты еще скажи, что с большой силой приходит большая ответственность. Пошли уже, супергерой!

Лев первым выбрался из салона, подставляясь под жгучие лучи солнца. За ним неохотно последовал и Крячко, продолжая бубнить себе под нос что-то неразборчивое. Пиджаки обоих сыщиков остались на заднем сиденье автомобиля.

Они миновали стеклянные двери «Звездного» и направились в сторону спортивного зала. У местного «Метеора» шла тренировочная «двухсторонка». На трибунах располагалось не более десяти человек. Женщина-тренер в красном облегающем спортивном костюме, заложив руки за спину, нервно прогуливалась вдоль края площадки. Казалось, она не замечала действий своих подопечных, погруженная в какие-то собственные размышления, но стоило одной из волейболисток, худенькой девушке с выкрашенными в ярко-синий цвет волосами, исполнить «скидку» за спины блокирующих, как резкий громopodobный крик тренера взвился под самый потолок помещения:

– Ты че творишь, Костина?! Кого ты пытаешься обмануть таким детским финтом, соплей тебе в рыло?! На школьной олимпиаде так будешь играть! Я что только что сказала? До пола пробиваем! До пола! С высокой подачи!

– Так не было высокой, Изольда Филимоновна...

– Тогда не трогай мяч! Че ты тянешься к нему, как к мужским причиндалам? Летит он, вот пусть и летит. Мне нужны качественные удары до пола! А ты подавай выше, Мицко! Выше, и лучше за спину. Отрабатываем пайпы в исполнении Малохановой. Без пайпов мы «Воронежских кошек» хрен сделаем. Кому это не ясно? А вы там тоже в защите столбами не стойте, – обратилась Изольда Филимоновна к девушкам на противоположной стороне площадки. – Что за картина Репина «Наложили мы дружно в труселя»? Выдвигайтесь вперед, страхуйте блок!.. Поднимайте всё, что можно поднять! Усложняйте задачу бьющего, соплей вам в рыло! «Воронежские кошки» стоять так не будут... Ну, че зенки вылупили? Играем!

«Двухсторонка» возобновилась. С левой стороны полетела силовая подача. Справа ее приняли. Связующая скинула мяч на противоположный край, и высокая брюнетка с затянутыми на затылке в конский хвост волосами взвилась в воздух, зависла над сеткой на пару секунд и нанесла хлесткий сокрушительный удар. Блок опоздал. Впрочем, как и растянувшаяся на полу «либеро». Мяч, отскочив от пола, полетел в сторону тренера. Изольда Филимоновна ловко выцепила его в воздухе и отправила обратно на площадку.

– Другое дело! – рявкнула она, но ее тон по-прежнему был грубым и недовольным. – Можете ведь, когда захотите, соплей вам в рыло! Еще раз! Только теперь подача с правой стороны. Дайте мне брейковое очко! Костина, под заднюю линию! Держим свои зоны!

– Действительно, классный удар получился, – обратился к напарнику Крячко, присаживаясь на первый ряд и не сводя глаз с площадки. – Не хуже, чем Гамова в лучшие свои годы... А знаешь, что такое брейковое очко, Лева?

– Не думал, что ты разбираешься в волейболе. – Гуров остался стоять, скрестив руки на груди.

– Шутишь? Да если у меня свободный вечерок... А еще и под пиво... Это же женский волейбол! Кстати, обратил внимание на эту Малоханову, что прошила, как ножом, оборону соперниц? Настоящая красотка! Мой тип женщин...

– Она на голову выше тебя, Стас, – улыбнулся Лев.

– И что? Хорошего человека должно быть много... К тому же я с ней не в волейбол бы играл... – Импровизированная команда с участием Малохановой отбила атаку соперниц. Блок смягчил удар, «либеро» приняла мяч, связующая Мицко грациозно изогнулась и отправила его себе за спину, где уже находилась облюбованная Станиславом спортсменка. Малоханова

выстрелила, как из пушки. Снаряд со свистом пролетел над сеткой, затем над руками обороняющихся и впечатался в площадку. – Есть! Вот и брейковое очко! Видал?... Давай допросим ее первой, Лева. Я могу взять это на себя.

Выкрик Крячко привлек внимание тренера в красном спортивном костюме. Женщина недовольно обернулась. Ее широко распахнутые глаза недобро блеснули.

– Та-а-ак! – нараспев протянула Изольда Филимоновна. – Не поняла прикола, соплей мне в рыло! А это что за мерзкие онанюги у нас тут? Кто впустил посторонних на тренировку? Валик! Где Валик? Вот прощелыга! – Она шагнула в направлении сыщиков, горделиво расправив мужеподобные плечи. Нелицеприятную картину завершала коротко стриженная, как у дембеля, голова. Из-под ворота спортивного костюма выбился край какой-то замысловатой татуировки. – Вы кто, юродивые? Агенты?

– Можно и так сказать. – Крячко поднялся ей навстречу, открыто улыбнулся и громко, чтобы его расслышали все замершие на игровой площадке волейболистки, представился: – Бонд. Джеймс Бонд. Агент 007.

Однако реакция Изольды Филимоновны была совсем не той, на которую рассчитывал Станислав.

– Вот щас совсем не смешно, соплей тебе в рыло! – рыкнула она. – Хочешь в бубен, шутник?

Девушки дружно рассмеялись. Крячко нахмурился. Гуров, разряжая обстановку, шагнул вперед и продемонстрировал свое служебное удостоверение в раскрытом виде:

– Мы из уголовного розыска. Полковник Гуров. А это полковник Крячко. Нам бы хотелось задать вам пару вопросов, Изольда Филимоновна. В связи с недавней гибелью одной из ваших подопечных, Елены Кончалович.

– А при чем тут я? – Не глядя на предъявленное удостоверение, женщина продолжала с недовольством взирать на двух незваных визитеров. – Ни я, ни клуб не несем ответственности...

– Я понимаю, – терпеливо откликнулся Гуров. – Но речь идет об убийстве, Изольда Филимоновна, и уголовный розыск обязан прорабатывать все возможные версии.

– То есть я, соплей мне в рыло, одна из возможных версий? Так, что ли?

– Я бы не стал ставить вопрос таким категоричным образом, – уклонился от ответа Лев. – Дело в том, что нам мало известно об убитой Кончалович. Она не москвичка, большую часть времени проводила в клубе. На тренировках и соревнованиях... Мы надеялись, что вы сможете пролить свет на круг ее знакомых, на сферу интересов. Не уделите нам несколько минут?

Женщина ответила не сразу. Она колебалась. Еще раз поочередно ошупала взглядом лица сыщиков, оглянулась на сбившихся в кучу спортсменов, среди которых своим высоким ростом особенно выделялась Малоханова, провела ладонью по короткому «ежику» на своей макушке и лишь после этого неохотно кивнула:

– Валяйте! Несколько минут. Но не более того. У нас на носу ответственный матч, соплей ему в рыло. Принципиальный соперник. Ноздря в ноздю идем. Малейшая осечка – все, туши свет, сливай воду. Можно смело сезон на расслабоне доигрывать, о плей-оффе и речи идти не будет. А тут еще так некстати кто-то Кончалович грохнул.

– Действительно некстати, – саркастично заметил Гуров, но Изольда Филимоновна сарказма, похоже, не уловила. – Где мы можем поговорить?

– Тут. А где еще? – тренер указала на первый ряд зрительских трибун и, первой опустившись на жесткое пластиковое кресло, вскинула массивный подбородок: – А вы че там замерли, безрукие? Тренировка не закончена! Или отжиматься хотим? Отрабатываем пока планерную подачу. Тебя это особо касается, Костина! За восемнадцать игр ни одного эйса! Допрыгаешься ты у меня с такими показателями. Продам тебя, на хрен, в Тамбов. Или обменяю на кого-нибудь попродуктивнее... Начали, начали! Убрали говно под носом, и вперед! Костина подает

через одну. И предупреждаю: я все вижу! – Изольда Филимоновна повернулась к сотрудникам угро и, не меня интонации, спросила: – Ну, чего там про интересы Кончалович спросить хотели? Какие у нее еще могли быть интересы, кроме волейбола? Сами подумайте! Девчонка талантливая... Тут не поспоришь, соплей ей в рыло! С великолепным завершающим ударом. У нее в «Метеоре» лучший показатель... был... Лучше, чем у Малохановой. Гораздо лучше. Это просто здоровая бестия, порой может и не прыгать, на прямых руках возле сетки сыграть.

– А с ней мы можем поговорить? – вклинился в тренерский монолог Крячко.

– С Малохановой? А зачем? Чего она такого о волейболе знает, чего я не знаю?

– Ну, речь ведь не только о волейболе...

– А о чем еще?

– Изольда Филимоновна, – вернул себе инициативу разговора Гуров, одарив при этом осуждающим взглядом напарника. – Нам действительно важно узнать о жизни Елены, не сопряженной с играми и тренировками. Вы, как тренер, наверняка еще и неплохой психолог...

– Это да, – гордо приосанилась женщина.

– Может, замечали что-то странное за своей подопечной в последнее время? Нервные срывы, переживания... Не было ли каких-нибудь подозрительных телефонных звонков Кончалович в вашем присутствии?

– Нет! – отрезала тренер. – В моем присутствии никто из этих блаженных по телефону не разговаривает. Валик отбирает у них все гаджеты прямо на входе в «Звездный». Будь то игра или тренировка, значения не имеет. Таков порядок. И это я его установила сразу же, как только подписала с «Метеором» трехлетний контракт. А что касается нервных срывов и переживаний, как вы выразились, так это сразу бы всплыло на поверхность. Поверьте, я знаю, о чем говорю. Если у девчуль что-то случается за пределами ФОКа, это тут же отражается на их игре. Тут же! Проверено многолетней... Ты че творишь там, имбецилка? – Изольда Филимоновна в негодовании вскочила на ноги. – Не видишь, куда мяч у тебя летит, соплей тебе в рыло?! Ну, вы гляньте! Ложит и ложит в аут! И все нипочем ей! Другая уже догадалась бы сменить траекторию полета, а эта... Точилова! Я тебе говорю! У тебя глаза есть? Или оба в сиськи ушли? Даже Костина при отсутствии мозгов в крашеной башке и то три раза в площадку попала... Ты тупее ее, Точилова? Такое вообще возможно? А ну, давай шесть подач кряду. И чтоб ни одного аута! – Шумно выдохнув, она приземлилась на прежнее место и посмотрела на сыщиков: – О чем я говорила? Ах да! О переживаниях... Так вот, такого не могло быть. По Кончалович это точно было бы заметно. Результативность упала бы, появилась бы куча брака, но... нет. Она как играла, так и продолжала играть. Местами даже лучше, я бы сказала...

– Извините за прямолинейность, – слегка откашлялся Лев. – А что насчет применения допинга среди ваших подопечных?

Изольда Филимоновна резко развернулась лицом к нему. Желваки заиграли на ее мощных скулах. На какое-то время она выпустила из виду происходившее на площадке и не заметила, как Точилова при подаче вновь отправила мяч в аут. Сантиметровый, буквально на тоненького, но аут все-таки был. Мяч подхватила другая спортсменка.

– Вы офонарели, дяди?! Какой еще, к чертям собачьим, допинг? У нас этого дерьма и близко не бывает!

– Соплей нам в рыло, – усмехнувшись, добавил Крячко.

– Чего? – грозно зыркнула в его сторону тренер.

– Вы забыли пожелать нам соплей в рыло, – сверкнул Стас лучезарной улыбкой. – Я подумал, что это неправильно. Вы ведь явно хотели, но просто запамятовали. Верно?

– Стас! – осадил напарника Гуров.

– Это ты опять так шутишь, юродивый? – Кулаки Изольды Филимоновны непроизвольно сжались.

– Я только пытался быть любезным...

– Любезным? Засунь свою вшивую любезность знаешь куда!..

– Можете не уточнять, – кивнул Крячко. – Я догадливый.

– Хватит, Стас, – вновь вмешался Гуров. – А вы извините, Изольда Филимоновна...

Я совершенно не хотел вас обидеть, но по долгу службы вынужден задавать неприятные вопросы...

– Допинг мы не практикуем! – жестко отчеканила женщина. – Это понятно?

– Вполне. А принимать что-то без вашего ведома девушки могли?

– Абсолютно точно нет. Мы проверяем спортсменов каждые три дня. И Валик, наш менеджер, и я лично... Одна такая деятельница попалась перед плей-оффом в прошлом году, так мы ее тут же турнули на хрен. Без объяснения причин и невзирая на былые заслуги. Сейчас с этим везде строго. Мы не единственные поборники чистоты.

– Вы слышали о «Лиге Справедливости», Изольда Филимоновна? – спросил Гуров.

На мгновение в суровых холодных глазах женщины мелькнула растерянность.

– Это че за байда такая? Комикс какой-то?

– И комикс тоже, – не стал спорить Лев. – Но в данном случае речь идет о преступной группировке с аналогичным названием. В прошлом году мы арестовали основателей и всех главных действующих лиц «Лиги», но могли появиться последователи... Это было связано исключительно со спортом. Организация отслеживала, а затем отстреливала всех, кто, по их мнению, либо мешал грамотному развитию спорта в нашей стране, либо был запятнан в прошлом. У Кончалович были какие-то проблемы? До ее прихода в «Метеор»? Вы ведь наверняка должны знать... Скандалы, конфликты с законом...

– Да нет! Какие там конфликты? – хмыкнула тренер. – И уж тем более скандалы... Кончалович была из тех девушек, кто лишний раз на подругу по команде прикрикнуть не мог. Даже когда те того заслуживали, соплей им в рыло... Костина! Я все вижу! Через одну, тебе сказано!

– Но, Изольда Филимоновна, я же...

– Ты мне там повякай еще! Будешь три, а то и четыре следующих игры на скамейке запасных вякать. И рожу не криви, имбецила кусок! А ну, подавай планер быстро! Или, на худой конец, усеченную!..

– А травмы в прошлом у Кончалович были? – напомнил о себе очередным вопросом Гуров.

– Ничего серьезного, – отмахнулась женщина, пристально следя за подопечными. – Пару раз вывих мизинца, и один раз неудачное приземление на колено. Но до операции дело не дошло. О чем тут вообще говорить? У нас не Лига чемпионов. И даже не суперлига. Нагрузки все-таки не те, вот и травмы незначительные.

Однако Лев не спешил прекращать допрос.

– Елена Кончалович была девушкой из еврейской семьи. Это как-то отразилось на ее взаимоотношениях с другими спортсменками?

Данная рабочая версия сотрудников угро рассыпалась в прах сразу после убийства пенсионера Юрия Глухова. Даже при детальном рассмотрении генеалогического древа четвертой жертвы в нем не удалось обнаружить и намек на примесь каких-то иных кровей, кроме исконно русской. Однако обойти вниманием этот вопрос Гуров не мог, хотя интуитивно и предвидел реакцию собеседницы. Та не заставила себя долго ждать.

– Нацизм? Вы об этом? Да вы совсем больные на всю голову? У нас что тут, по-вашему, фашистская Германия? – взбеленилась Изольда Филимоновна. – Вы в каком веке живете, дяди? Мы на черных-то давно уже не обращаем внимания, а иудеи, мусульмане и тому подобное... Это в порядке вещей. Никто не парится этим вопросом. Вам мое имя-отчество ни о чем не говорит? Как по мне, – гордо скрестила она руки на груди, – расизма в России в принципе существовать не может. Исторически. Это же пошло из тех стран, соплей им в рыло, где рабами были люди других рас и вероисповеданий, нежели их хозяева. А у нас что? Вы, вообще, читали

историю? У нас рабы и хозяева испокон веков – одной национальности. Откуда тут взяться расизму? Это дутое понятие!

– То есть отношение было обычным? – уточнил Лев, даже не пытаясь с ней спорить.

– Само собой.

– А что насчет личной жизни Елены Кончалович?

– За личной жизнью я не слежу, – презрительно скривилась Изольда Филимоновна. – Она мне в зад не уперлась. Девчули пусть кувыркаются с кем хотят и сколько хотят. Лишь бы это не отражалось на качестве их игры. А оно не отражается. – Она помолчала пару секунд и добавила: – Если уж это так вас интересует, вам и впрямь лучше поговорить с Малохановой. Они с Кончалович дружили. Делили одну комнату.

– А когда с ней можно поговорить? – живо встрепенулся Крячко.

Последовала еще одна двухсекундная пауза. Затем Изольда Филимоновна решительно поднялась на ноги, смерила сидящих сыщиков критическим взглядом сверху вниз и чуть ли не процедила:

– Достали вы меня! Весь процесс подготовки в задницу! Ну, да хрен с вами. Раз пришли... Можете поговорить с ней прямо сейчас. Но не больше десяти минут. И не выходя из зала. – Она быстро сместилась к краю игровой площадки и крикнула: – Закончили, безрукие! Малоханова, иди сюда. Живее шевели булками! Остальные к сетке. Отрабатываем групповой блок. Без Малохановой! А то в прошлой игре на выезде я видела, как вы то и дело пристраивались к ней. На халяву напали? Так это сейчас исправим! А у тебя, Малоханова, перерыв. Десять минут. Я засекла. Иди пообщайся со следаками прокуратуры... или откуда они там...

Крячко поднялся навстречу волейболистке, галантно расшаркался, взял Малоханову за руку и, запечатлев чувственный поцелуй на тыльной стороне ладони, произнес, слегка понижая голос:

– Вообще-то мы из уголовного розыска. Меня зовут Стас. А это... – Стас даже не обернулся на напарника. – Впрочем, не важно. Его имя не будет иметь для вас никакого значения. С вами буду общаться я. Как вас зовут?

– Надя. – Голос Малохановой был низким и обволакивающим.

Улыбка Крячко стала еще шире. Гуров покачал головой, но забирать инициативу у напарника не стал. Для него, по большому счету, не имело значения, кто будет вести допрос. Несмотря на свои выкрутасы, к которым Лев успел привыкнуть за долгие годы совместной работы, Станислав хорошо знал свое дело.

– Присаживайтесь, Наденька, – указал на ряд свободных зрительских мест Крячко.

Малоханова заколебалась.

– Изольда Филимоновна сказала, что у меня десять минут.

– Я слышал, – живо парировал Стас. – Но я вас умоляю, Наденька!.. Что есть время, когда речь идет об общении с такой прекрасной девушкой, как вы. Я боюсь потерять счет мгновениям. – Он сел сам и мягко усадил рядом волейболистку. – Конечно, десять минут – это ничтожно мало, но я уже счастлив... У вас, кстати, во сколько заканчиваются тренировки? Вам ведь предоставляют свободное время? На общение, так сказать... С крайне привлекательными мужчинами... Вам ведь нравятся мужчины?

– Да. Я традиционной ориентации, если вы об этом, – спокойно ответила Малоханова. Ее бесстрастное лицо ничего не выражало.

– Слава богу! – облегченно вздохнул Крячко. – А то ведь в наше время, знаете ли, всякое...

– Я знаю.

– Так как насчет свидания?

– Можно. Я свободна каждый вечер с восьми до десяти. В одиннадцать у нас отбой. Нарушать распорядок я не имею права, иначе...

– Ну что вы! – воскликнул Стас. – Что вы, Наденька! Я никогда и не посмел бы просить вас о чем-то подобном. Два часа наедине с такой обворожительной особой... О большем и не мечтаю.

Его слова все же заставили губы Малохановой слегка дернуться в некоем мимолетном подобии улыбки.

– Стас!.. – теряя терпение, окликнул напарника Гуров.

Но тот, по-прежнему не поворачивая головы, лишь выставил в направлении Льва оттопыренный указательный палец.

– Секунду, старлей! Вы не видите, что я разговариваю со свидетельницей? Если вам скучно, прогуляйтесь, подышите свежим воздухом. И я попросил бы вас впредь обращаться ко мне по имени-отчеству. Или по званию. То, что вы служили вместе с моим дедом, не дает вам право...

– Виноват, товарищ генерал-майор! – Гуров шутливо приложил два пальца к виску.

Крячко все же бросил взгляд в его сторону.

– Другое дело. А то распустились все... – проговорил Стас и вновь повернулся лицом к Малохановой: – Извините, Наденька... Я вынужден задать вам некорректный вопрос... Не подумайте, что это личное. Ни в коем разе! Это просто работа... У вас есть кто-нибудь?

– В данный момент нет. Где-то полгода назад у меня закончились достаточно продолжительные и серьезные, как мне тогда казалось, отношения.

– Сожалею. – В голосе Станислава не было и намека на сожаление. Скорее наоборот. – После этого были свидания? Случайный секс, может быть?

– Была пара походов в ресторан, но без продолжения.

– Понимаю, – довольно потер руки Крячко. Ответы девушки вполне удовлетворили его. – Нелегко, наверное, завязывать отношения, когда делишь с кем-то на двоих одну комнату?

– Ну... – пожала плечами Малоханова. – В этом есть, конечно, некоторые неудобства...

– А как с этим справлялась Кончалович?

– Поначалу тоже не очень... Но потом у нее появился молодой человек. Игорек. Из Подмосковья. И тут с личной жизнью у Ленки стало попроще.

– В каком смысле?

– У Игорька своя квартира.

– Там они и встречались?

– Да.

– Но ведь в Подмосковье путь не близкий, – выразил сомнение Стас. – Где именно в Подмосковье?

– В Химках, – ответила Малоханова, глядя не на него, а прямо перед собой. На ее красивом, но холодном лице по-прежнему не отражалось никаких эмоций. – Далековато, да. Согласна. Больше часа на электричке туда и больше часа обратно. Ленка позволяла себе вернуться задолго после отбоя, но и то... Сколько у них там оставалось на интимные отношения? Минут тридцать-сорок? Где-то так, да...

– Не густо, – согласился Крячко. – Но если есть такое великое чувство, как любовь...

– Да какая там любовь? Не было ее. То есть Ленка говорила, что у них все серьезно, но я же не слепая. Видела все прекрасно. Для них обоих эти отношения были из серии «на безрыбье и рак рыба». Сошлись два одиночества... А он еще мутный такой, скользкий. Глазки все время бегают. Словно ищет, где что спереть. Ну, мне так казалось.

– И долго они встречались?

– Не очень. Месяца два. Он сначала на все-все матчи наши ходил, – припомнила волейболистка, – потом стал потихоньку к Ленке подкатывать. Нелепо, неумело... Он раздражал ее, я это хорошо помню... А когда все переменялось, не заметила. Ленка прям огорошила меня! Мы, говорит, с Игорьком встречаемся. Я аж в осадок выпала.

– То есть он вам не понравился? Я правильно понял?

– Ну да...

– Они ссорились? Не знаете?

– Бывало. Но из-за чего, Ленка мне не рассказывала... Один раз дело даже до рукоприкладства дошло. С его стороны. Подбил ей правый глаз, синячище огромный был. Но и тогда Ленка не раскрыла причину. Попросила только прикрыть ее перед Изольдой, подтвердить, что она в ванной поскользнулась и упала на кран. Я подтвердила.

В разговоре повисла непродолжительная пауза. Стас с огромным трудом оторвал взгляд от груди волейболистки и, посмотрев ей в лицо, спросил:

– А как по-вашему, Наденька, этот Игорек мог быть причастен к смерти вашей подруги? Малоханова ответила не сразу. Снова пожала плечами.

– А почему нет? Мог, конечно... Знаете, у меня есть собственная гипотеза относительно того, что случилось с Ленкой.

– Интересно, – подобрался Крячко и краем глаза заметил, как при этом резко подался вперед и его напарник. – И какая же?

– Игорек это или нет... Но убийца точно был Ленкиным персональным поклонником. Вы и представить себе не можете, Стас, сколько встречается дураков среди фанатов. Это как в «Мизери» Стивена Кинга. Читали, наверное? Тут, конечно, история несколько иная, но... суть та же. Аж жутко становится, – поежилась девушка.

Крячко накрыл ее руку своей. Осторожно и ласково погладил по пальцам. Он не стал разубеждать Надежду в том, что ее версия, вероятнее всего, не имеет под собой логического обоснования. В данную картину абсолютно не вписывались остальные три жертвы. Но личность «мутного и скользкого» Игорька его заинтересовала.

– Не бойтесь, теперь я рядом, – чувственно произнес Станислав и заметил, как девушка слегка кивнула при этом. На площадке Изольда Филимоновна разбрасывалась матом направо и налево. Претензии нашлись ко всем волейболисткам «Метеора». – А чем занимается этот Игорек? Не знаете, Наденька?

– Нет. Ленка не упоминала об этом.

– Ну, а хотя бы его фамилия?

– Сорока, – ответила Малоханова без раздумий. – Я еще подкалывала ее, мол, если выйдет замуж за этого придурка, станет Еленой Сорокой. Ленке это тоже не нравилось. Она говорила, если у них вдруг дойдет дело до брака, непременно оставит свою фамилию. Спортсменки ведь часто так делают...

– Может быть, вы еще и отчество припомните? – впервые за время допроса волейболистки обратился к ней Гуров.

Но девушка отрицательно покачала головой:

– Нет. Отчество ни разу не упоминалось.

– А точный адрес? Места, где его можно найти и пообщаться?

– Тоже нет.

– Ну... Будем искать, – улыбнулся Крячко, все еще удерживая руку Надежды в своей. – А с вами я лелею мечту еще свидеться. Сегодня или завтра вечером.

– Хорошо, – охотно откликнулась девушка. – Вы знаете, где меня найти, Стас. – Она поймала на себе суровый взгляд обернувшейся Изольды Филимоновны и поспешно вскочила на ноги. – А сейчас извините, я должна вернуться к тренировке.

Крячко неохотно выпустил ее пальцы, и Малоханова бегом вернулась на площадку. Слегка склонив голову набок, Стас проводил ее долгим мечтательным взглядом, но тут его отвлек тяжелый хлопок по плечу и голос напарника:

– Неплохая работа, Стас. У нас появилась хоть какая-то ниточка. Может, она никуда и не приведет, но потянуть за нее стоит.

– Учись, студент, – буквально раздулся от гордости Крячко, поднимаясь на ноги и направляясь вслед за Гуровым к выходу из спортивного зала. В проеме он на секунду остановился и, еще раз обернувшись, тихо проговорил: – И это только начало. Я с этой красоткой еще не закончил...

Глава 3

Завернув в глухой дворик с чередой покосившихся сарайчиков, Бурмистров нырнул в тень раскидистой ивы. Остановился и жадно припал губами к стеклянному горлышку бутылки кока-колы. Ярко-красная футболка старлея с изображенным на груди гигантским карпом намочила от пота. Голову прикрывала слегка сдвинутая на затылок бейсболка с символикой миланского «Интера», но даже она не спасала Георгия от беспощадного июльского зноя. Температура воздуха приближалась к отметке в тридцать семь градусов. Жара казалась просто аномальной.

Он осушил бутылку до дна и плавно опустил ее в урну. Запрокинул голову, пристально вглядываясь в широкие панорамные окна третьего этажа старенького здания с облупившейся на фасаде краской. Такие раритетные строения в Москве можно было пересчитать по пальцам. Их не сносили только из глубокого уважения к участникам Великой Отечественной войны или заслуженным ветеранам труда, до сих пор проживающим в таких домах. Здесь же, согласно полученной информации, обитал, вплоть до своей кончины, отставной генерал США Джеймс Хейвуд. Старлею удалось выяснить, что и супруга коренного американца Мария Хейвуд, урожденная Мария Дорисенко, скончалась чуть больше года назад. Добротная четырехкомнатная квартира перешла по наследству их единственному отпрыску, адвокату по гражданским делам Марку Хейвуду, официально не числившемуся ни в одной коллегии.

Бурмистров снял бейсболку, смахнул ладонью пот со лба и водрузил головной убор на прежнее место. Из распахнутого окна первого этажа доносился вечно бодрый и никогда не унывающий голос Якубовича, требующего от очередного игрока незамедлительно открыть новую букву. Георгий двинулся в сторону подъезда, но достичь покосившегося наклонного козырька не успел – в заднем кармане джинсов запиликал мобильник. Он достал аппарат. На большом сенсорном экране высветилось задумчивое лицо полковника Гурова, сфотографированного в профиль. Под изображением мигала надпись на английском языке: «BOSS».

– Слушаю, товарищ полковник, – ответил на вызов старлей.

– Ну, как успехи, Жора? – без лишних приветствий поинтересовался Гуров. – Удалось выяснить что-то по оружию снайпера?

– Обижаете. Если я берусь за что-то, то успех гарантирован процентов на восемьдесят.

– Ордена и звездочки раздавать будем после, Жора. Излагай по делу.

– Так точно! – Свободной рукой старлей извлек из объемной кожаной папки новую стеклянную бутылку кока-колы и сорвал крышку зубами. – Винтовку вычислили. Впрочем, как и человека, на которого она зарегистрирована. Проблема лишь в том, что владелец давно мертв. Однако имеются наследники. Вернее, наследник. Его поиском я сейчас и занят. Нахожусь по месту прописки субъекта.

– Кто он такой?

– Марк Хейвуд.

– Американец? – удивился Гуров.

– Не совсем. – Бурмистров сделал глоток из бутылки, а затем исхитрился указательным пальцем набрать на домофоне номер нужной квартиры. – По паспорту он русский. И по маме тоже. Американец только по отцу. Я отправил вам подробный отчет на электронный адрес. Потом звонил, но вы не отвечали.

– Хорошо. Я просмотрю. Есть видимая связь с кем-то из жертв, Жора?

– Еще не проверял, товарищ полковник, – вынужден был признаться старлей. – Я посчитал, что первым делом необходимо установить, в чьих руках сейчас находится оружие убийства, а уже потом искать связь...

– Может быть, ты и прав, – помолчав немного, согласился Лев. – У меня есть для тебя еще одно поручение.

– Еще одно? – упавшим голосом переспросил Георгий. – Не слишком ли много, товарищ полковник? Я ног под собой не чувствую. Эта жара меня просто убивает. В прямом смысле этого слова.

– Не ной, Жора, мужчине это не к лицу. К тому же лично тебе это пойдет на пользу. Побольше поработаешь, поменьше покушаешь.

– Вы опять? Я ведь уже объяснял...

– Так! – В голосе Гурова появились властные начальственные нотки. – Не трать понапрасну ни мое, ни свое время. Слушай и запоминай. Как закончишь с этим своим русским американцем, дуй в управление, подними базу данных и найди мне некоего Игоря Сороку. Проживает где-то в Химках.

– А нет больше информации?

Домофонный вызов остался без ответа. Бурмистров набрал повторно. Глотнул еще колы. В распахнутом окне слева Якубович громогласно требовал вращения барабана.

– Больше нет. Жду ее от тебя, Жора. Задача ясна?

– Ясна, товарищ полковник...

– Вот и отлично. Оставайся на связи.

Бурмистров с тяжелым вздохом сунул мобильник обратно в карман. Из искомой квартиры по-прежнему никто не отвечал, и он набрал на домофоне номер соседней квартиры. Но домофон продолжал безмолвствовать. Создавалось ощущение, что третий этаж раритетного здания вымер. Георгий сунул папку под мышку и направился к открытому окну, откуда доносился голос Якубовича. Какая-то женщина из Екатеринбургской области изъявила желание спеть для ведущего популярной и безгранично любимой ею программы. Якубович поддержал порыв гостыи. Не тратя времени на подготовку, женщина запела. Широко, по-русски, от души... И нисколько не заботясь об отсутствии голоса и слуха.

Старлей приблизился к окошку и постучал по раме согнутыми костяшками пальцев. Громкость работающего телевизора снизилась, и из недр помещения донеслись неторопливые шаркающие шаги.

От парковки возле гостиницы «Украина» до причала на набережной имени Тараса Шевченко было не менее трехсот метров. Гуров бросил взгляд на часы. Теплоход должен был отправиться в рейс через пару минут. Многочисленные пробки в центре столицы не позволили сыщикам прибыть заблаговременно.

– Успеем, – заверил напарника Крячко.

Он бежал чуть впереди и уже видел борт теплохода «Максим Горький». Двое матросов неторопливо убирали сходни. Над правым берегом Москвы-реки задорно разносился марш «Прощание славянки». За спинами матросов бестолково суетилась полная круглолицая дамочка с ярко-красными, коротко стриженными волосами. Станислав вскинул руку, привлекая внимание людей на судне, но ни один из них не смотрел в сторону двух бегущих мужчин.

– Поднажми, Стас! – Гуров вырвался вперед. – Не успеем сегодня, придется ждать еще две недели.

– Сам поднажми! Я, между прочим, специально не включаю «пятую», предоставляя тебе фору. А то, не дай бог, преставишься тут. Вот стыдоба-то будет! Так и вижу пестрящие заголовки газет: «Полковник угро скончался во время утренней пробежки!» Или нет, не так... «Повышенная физическая нагрузка стала причиной скоростной гибели неопознанного пока старикашки». «Личность уточняется. Просьба всех, кто узнал этого человека по снимку внизу, позвонить по телефонам...» Предупреждаю, Лева, я звонить и позориться не стану.

Не обращая внимания на привычный бубнеж напарника, Гуров первым перемахнул через невысокое ограждение контрольно-пропускного пункта. Матросы на «Горьком» уже втащили

сходни. Крепкий широкоплечий охранник в черной форме с грозным видом выскочил из служебного помещения. Лев быстро взмахнул удостоверением и крикнул:

– Уголовный розыск! – На более длительные объяснения времени не было.

– Расслабься, дядя! – Крячко не стал прыгать. Он дисциплинированно прошел через турникет перед самым носом охранника. – Опера при исполнении ни разу не видел? Снимай на телефон. Похващаешься потом перед коллегами.

Женщина с ярко-красными волосами первой заметила приближение сыщиков. Схватив за руку матроса, закрывавшего борт роскошного четырехпалубного теплохода, она указала пальцем на бегущих. Гуров уже мчался по причалу. Крячко отстал от напарника на пару метров. Рубашка Станислава на спине была мокрой от пота. Матрос, так и не закрыв борт, замер в полной растерянности. Ситуация была нештатной. Женщина выговаривала ему что-то и активно жестикулировала. Двигатели теплохода уже работали на полную мощность. Многотонная махина тронулась с места. Матрос отрицательно замотал головой, давая понять, что время посадки закончилось. Женщина дважды требовательно ударила его кулаком по литому плечу. Не смолкая, гремел «Марш славянки».

– Бросайте сходни! – приказал Гуров.

– Не могу! – крикнул в ответ матрос. – Это противоречит технике безопасности. Меня уволят!

– Я беру ответственность на себя, – заверил его Лев. – У меня есть такие полномочия. Скорее! Бросайте!

Теплоход уже отделился от причала. Зазор был чуть меньше двух метров. Борт все еще оставался открытым.

– Поздно! – вновь покачал головой матрос. – Вы не сможете! У нас длина сходней три метра.

– Бросайте! – не отступал Гуров.

Возникший рядом Крячко решительно потянулся к оружию за брючным ремнем под рубашкой, но Лев остановил его безрассудный порыв.

– Я сниму только идиота, – внес предложение Станислав. – Женщина нам поможет.

И тут дама с красными волосами нагнулась и сама ухватила за сходни. Матрос попытался ей помешать, но женщина отпихнула его. Зазор между причалом и теплоходом увеличился до двух с половиной метров. Ситуация разрешилась благодаря отчаянному вмешательству второго матроса, постарше и повыше первого. Он стремительно подхватил сходни с палубы и швырнул их на причал. Деревянный край жестко соприкоснулся с бетонным покрытием. Не теряя ни секунды, Гуров пулей влетел на борт. За ним последовал Крячко, но ему не хватило пары шагов до намеченной цели. Зазор превысил расстояние в три метра, и сходни полетели в воду. Опора ушла из-под ног Станислава, в одно мгновение сменившись пустотой. Женщина испуганно закричала. Молоденький матрос витиевато выматерился. Крячко рыбкой нырнул вперед и сумел-таки в прыжке зацепиться пальцами за металлический край борта. Опрометчиво бросил взгляд вниз. Вода под ним угрожающе бурлила и пенилась. Гуров и второй матрос ринулись на помощь, с двух сторон ухватили его за руки и втащили на палубу. Секунд двадцать Крячко лежал без движения лицом вниз, затем шумно выдохнул и перевернулся на спину.

– Ты в порядке? – склонился над ним Лев.

– Не знаю. Посмотри, ноги на месте?

– Только две, – улыбнулся Гуров.

– Это не смешно. – Крячко принял сидячее положение. Матрос постарше закрыл наконец борт. Теплоход оторвался от причала на шесть метров. – Совсем не смешно. Меня могло размотить винтом на мелкие кусочки! Хоронить бы было нечего! Какая непочетная смерть...

– А я предупреждал, – подал голос молодой матрос. – И мы потеряли из-за вас сходни. Капитан будет в ярости.

– Перестаньте! – Женщина с короткими ярко-красными волосами опять ударила его кулаком в плечо. – Нельзя быть таким черствым! Вы как чурбан! – Она опустила на корточки рядом с Крячко и ласково заглянула ему в глаза. В руках у нее была стопка каких-то бумаг, которыми она незамедлительно зашелестела, нашла нужный лист и поставила в нем галочку. – Я так счастлива, что вы с нами... Что вы все же успели... Вы супруги Бойко? Глеб и Наталья?

– Нет. Мы... – Все еще находясь под впечатлением случившегося, Стас не сразу уловил смысл ее слов, а когда уловил, глаза его в ужасе округлились: – Чего? Супруги? Кто?! Да вы в своем уме? Че за дикие мысли? Совсем спятили! Какие еще супруги Бойко? Господи! Лучше бы меня винтом размолотило!

– Извините, – сконфузилась женщина. – Я подумала... У нас тут в списках...

Матрос постарше громко расхохотался. Крячко одарил его лютым взглядом и повернул голову к женщине:

– Что вы подумали, дамочка? И кто из нас, по-вашему, Наталья?

– Я... Я как-то не сообразила... Простите...

– Натусь, не нервничай, – улыбнулся Гуров и погладил напарника по голове, но его рука тут же была грубо отброшена:

– Лева! Убери грабли! Меня сейчас стошнит... Кто-нибудь, дайте мне водички!

Молоденький матрос, еще несколько секунд назад сетовавший на потерю сходней, протянул ему снятую с ремня фляжку, и Крячко жадно припал к горлышку. Гуров тем временем поднялся во весь рост и, галантно протянув руку, помог подняться женщине с красными волосами. Вид у последней все еще был сконфуженный.

– Мы из уголовного розыска, – продемонстрировал ей свое служебное удостоверение Лев. – Моя фамилия Гуров. Полковник Гуров. Человек, сидящий на палубе, которого вы, не подумав, приняли за мою вторую половинку, полковник Крячко.

– Так вы не пассажиры нашего круиза? – расстроилась дамочка.

– Сожалею. А кто вы?

– Я директор круиза, Маргарита Васильевна Свистоплясова.

– Рад знакомству, Маргарита Васильевна. Думаю, именно вы и нужны нам в первую очередь.

– Я? А что я такого натворила?

– Надеюсь, что ничего. Мы с напарником расследуем убийство Мэйтата Коджо. Вы были с ним знакомы?

– О боженьки! – всплеснула руками Свистоплясова. Стопка бумаг выскользнула у нее из пальцев и веером рассыпалась по палубе. Гуров и оба матроса одновременно склонились, желая помочь женщине, но та категорично замотала головой: – Оставьте! Люба!

Из распахнутых дверей салона на ее зов немедленно вылетела девушка в просторном сиреновом сарафане. Крячко скользнул взглядом по ее ногам, поднял глаза выше, но тут же поспешил отвернуться. Девушка была страшенькой. Побитое оспой веснушчатое лицо скрывалось под огромным крючковатым носом. Впалые щеки, высокий покатый лоб, большие, навывкате, глаза...

– Люба, собери, – распорядилась директор круиза, указывая пальцем на рассыпавшиеся бумаги. – И возьми пока на себя все организационные вопросы. Мне необходимо побеседовать с двумя джентльменами из полиции. Если вдруг возникнут какие-то накладки, немедленно ставь меня в известность. Все должно быть тип-топ, Люба, ты меня поняла?

– Конечно, Маргарита Васильевна. Все будет в порядке. Можете на меня положиться.

– Я надеюсь. Мы будем на средней палубе. – Свистоплясова вновь обернулась к Гурову, виновато улыбнулась, а уже через секунду взяла полковника под руку. – Пойдемте. Я знаю, где

мы сможем спокойно и обстоятельно поговорить... Конечно, я знала Мэя. Как я могла его не знать? Он был моим любимчиком. Один из лучших сотрудников. Всегда такой тихий, исполнительный. Но когда дело доходило до игры на саксофоне, он превращался в бога. Можете мне не верить, но это так. Удивительный молодой человек!.. И так печально закончил... Такой молодой... В это сложно поверить. Мы ведь в первый раз уходим в рейс без него, а у меня, знаете, такое ощущение, что Мэй где-то здесь, с нами, на борту. Просто я его еще не видела. Вы ведь понимаете, о чем я?

– Понимаю, – откликнулся Гуров.

Они поднялись по крутому боковому трапу на среднюю палубу и переместились на корму, где в хаотичном порядке были расставлены фирменные столики с эмблемами компании «Москва-река». Крячко с недовольным видом замыкал шествие. Он демонстративно избегал общения с Маргаритой Васильевной и даже старался не смотреть в ее сторону.

– Страшно, когда такое происходит с теми, с кем ты работал бок о бок. – Свистоплясова потянула на себя застекленную дверь бара, но та оказалась закрытой. Это ничуть не смутило директора круиза. Она достала из сумочки ключ и открыла ее. – Присаживайтесь, джентльмены. Занимайте любой столик, какой вам понравится. Хотите чего-нибудь выпить?

– Нет, спасибо, – отказался Лев за себя и за напарника.

Крячко, вопреки ожиданиям, не стал спорить. Он плюхнулся в кресло рядом с палубным ограждением, закинул ногу на ногу и закурил сигарету. Лев расположился за столиком в метре от него. Маргарита Васильевна вернулась из бара меньше чем через минуту с двумя уже открытыми, запотевшими бутылками пива «Армстронг». Одну поставила на столик, а из другой сделала внушительных размеров глоток и смачно причмокнула.

– Мне без алкоголя никуда, – поделилась она, обращаясь непосредственно к Гурову. – На мне все увеселительные мероприятия. И нужно все время всем улыбаться... Создавать атмосферу... А какая может быть атмосфера, если ты трезв как стеклышко? Так что пиво – мой лучший помощник.

– Давайте вернемся к разговору об убитом Мэйтата Коджо, – мягко, но настойчиво предложил Гуров. – То, что он был замечательным парнем и исполнительным сотрудником, я уже понял. Но при этом кто-то выстрелил ему в голову из снайперской винтовки... Уж извините за прямолинейность, Маргарита Васильевна... Лично у вас есть какие-то соображения на этот счет?

– Множество, – огорошила сыщика своим ответом женщина и вновь надолго припала губами к горлышку пивной бутылки. Она пила до тех пор, пока емкость не опустела. Затем поставила ее на стол и потянулась за второй бутылкой. Все ногти на руках Свистоплясовой были выкрашены в разные цвета. – Сдается, вы меня неправильно поняли, джентльмены. Это я считала Мэя замечательным парнем и исполнительным сотрудником. А вот остальные... Боюсь, они не разделяли моего мнения.

– Кто именно?

– Почти все. Ну, кроме Лешки Лопухова... Этот за Мэя горой стоял. Чуть что, и в драку. Я даже пригрозила ему увольнением в последнем рейсе. Ну, сами посудите, куда это годится? Напьется и давай кулаками махать. А клиенты... Они ведь не слепые. Все это у них на глазах происходит. Кто после такого захочет иметь с нами дело? А конкуренция высокая! Мы боремся за каждого своего клиента.

– А за что остальные не любили Коджо?

– Догадываетесь с двух раз. – Маргариту Васильевну уже слегка повело. Это было заметно по тому, как изменилась интонация ее голоса. Она залпом испила добрую половину новой бутылки «Армстронга». – Вы не видели Мэя? Хотя бы на фотографиях?

– Намакаете на его цвет кожи?

– Ну, естественно! Как это ни печально, но в нашем современном мире по-прежнему живы расовые предрассудки. Лично я этого не понимаю. И не принимаю. Какая разница, белый вы или черный? Человека нужно оценивать не по цвету его кожи, а по его внутренним качествам. Мэй... Бедный мальчик... Мне всегда было так жалко его. Он почти всегда был один. Или в компании этого олуха Лешки Лопухова. Но Лешке, когда он выпьет, лишь бы было кому уши мусолить. А Мэй – безотказная душа. Он и послать-то толком никого не мог.

– Маргарита Васильевна, – напомнил о своем присутствии Гуров, чувствуя, как рассказ женщины плавно уходит в сторону, – в отношении Мэйтата Коджо проявлялись какие-то агрессивные действия?

– Постоянно.

– В чем именно они проявлялись? Физическое насилие? Угрозы?

– Его притесняли. Все. Кроме меня... и Лешки. Сторонились, обзывали по-всячески... Повторять я этого не буду, и не просите. Ну а насчет остального... – Свистоплясова призадумалась. Пригубила еще пива. Карие, глубоко посаженные глазки подернулись поволокой. – При мне лично никаких рукоприкладств не было. Дрался только Лешка... Но об этом я вам уже говорила... Впрочем, я не всегда бываю в курсе всех событий. Хотя и обязана. Но знаете, как это бывает? Руководства боятся и некоторые вещи предпочитают утаивать... О явных угрозах в адрес Мэя я тоже ничего не слышала.

Крячко докурил сигарету и щелчком отправил окурок за борт. Поднялся на ноги. Заправил в брюки выбившуюся рубашку, заодно проверяя и наличие оружия за брючным ремнем.

– То есть ничего толкового вы сказать не можете? – грубо бросил он в спину Маргариты Васильевны. – Одни только голословные заявления. Любили, не любили... Вы как ромашка.

Женщина резко обернулась. Из зажатой в руке пивной бутылки ей на платье выплеснулось несколько пенных капель.

– На что это вы намекаете?

– Я не намекаю, – скривился Стас, – я говорю прямо.

– Ах, прямо! Так я вам прямо и отвечаю. Мэя притесняли на почве расовой неприязни. Вы хотели знать, мог ли кто-то убить его? И я уверяю вас: мог! Люди злые, очень злые...

– Опять эмоции, – покачал головой Стас. – Эмоции и домыслы. А нам нужны факты. Вы подозреваете кого-то конкретно?

– Стас, прекрати! – нахмурился Гуров.

– А чего «прекрати»? Пусть ответит! На кого нам стоит обратить особо пристальное внимание, например.

– Да хоть на кого! – неожиданно взвизгнула Маргарита Васильевна. Она не столько осознанно, сколько машинально допила свое пиво и бухнула опустевшей бутылкой об стол. – Вон тот же Каха, допустим. Чем не пример? Он в прошлом рейсе буквально проходу Мэю не давал. Цеплял его постоянно, обзывал грязным ниггером, говорил, что таким, как Мэй, нет места на нашей земле... Я сама слышала такое!

– Каха? – переспросил Лев.

– Каха. Наш бармен. Самая настоящая сволота! Другого слова у меня для него просто не подберется!.. И таких, как Каха, тут вагон и маленькая тележка.

Крячко собирался было накинуться на женщину с новой претензией, но не успел. На палубу выскочила растрепанная Люба с перепуганным лицом.

– Маргарита Васильевна! Маргарита Васильевна! – Широко распахнув рот, она жадно хватала воздух. – Там драка! Они сейчас поубивают друг друга! Я пыталась их вразумить, честное слово... Но куда мне!

– Что за драка? У кого с кем? – вскочила Свистоплясова.

Порывисто поднялся вслед за ней и Гуров.

– Лопухов опять, Маргарита Васильевна! Он ударил нашу массажистку Зину, а потом набросился на матроса. Они сцепились и... Там уже кровь, Маргарита Васильевна!

– О боженьки!

– Я увидела и сразу за вами... Лопухов кричит, что среди нас убийца!

Гуров первым ворвался в массажный салон на нижней палубе теплохода «Максим Горький». За ним, решительно оттеснив на входе плечом директора круиза, проследовал Крячко. Взгляды обоих сыщиков мгновенно сфокусировались на лысом полном мужчине с грустными миндалевидными глазами и неровной трехдневной щетиной. Мужчина был облачен в просторные клетчатые шорты, над которыми, подобно утесу, нависал объемный надутый живот, и в пеструю рубашку с изображением моря, пальм и песка, распахнутую на груди. На фоне густого волосяного покрова болтался средних размеров серебряный крест. Покрасневшая от удара правая скула уже заметно припухла. В правой руке толстяк сжимал импровизированное оружие в виде отколотого бутылочного горлышка. С неровных острых краев на пол капала кровь.

– А вы еще кто? – грубо бросил мужчина незванным визитером. – А ну, пошли на хрен!

Вместо ответа Гуров выхватил табельный пистолет и навел его на бузотера. Указательный палец плавно опустился на спусковой крючок.

– Брось это! – последовал недвусмысленный приказ, но мужчина лишь презрительно скривился:

– Ага! Щас! Разбежался! Че, пристрелишь меня?

– Лопухов! – взвизгнула рядом с Гуровым Маргарита Васильевна так громко, что у него чуть уши не заложило. – Прекрати немедленно! Эти джентльмены из полиции.

– Из полиции? – недоверчиво переспросил толстяк. – Кому ты гонишь, Свистоплясова? Откуда у нас тут полиция?

– Бросай, или я прострелю тебе руку, – предупредил Гуров.

Не спуская глаз с вооруженного «розочкой» человека, заметил в помещении еще двоих. Маленькая черноволосая женщина в сиреновой униформе судоходной компании забилась под массажный стол и тихо поскуливала, держась за плечо. По ее бледным щекам катились слезы. Чуть поодаль, привалившись к стене, сидел высокий широкоплечий матрос в заношенной, располосанной на животе тельняшке. Рана матроса обильно кровоточила. Из разбитого носа на пухлые губы тоже капала кровь.

– Не буду я ничего бросать! – упрямо стоял на своем Лопухов. Вид огнестрельного оружия не произвел на изрядно подвыпившего мужчину никакого впечатления. Равно как и угрозы. – Валите отсюда! Это только наша разборка. Урод должен ответить за свои слова.

– Ты кого уродом назвал, пьянь?!

Раненый матрос рванулся было вперед с явным намерением возобновить потасовку, но Крячко оказался быстрее и проворнее. Сместившись вправо и вниз, Крячко ловко подсек опорную ногу матроса, и тот, не удержав равновесия, ткнулся лицом в пол. Рука, завернутая назад, оказалась в жестком захвате сыщика. Парень попытался вырваться, но не сумел. Стас тоже достал оружие и направил его на Лопухова. Теперь на толстяка смотрело сразу два смертоносных ствола. Черноволосая женщина в униформе, почувствовав поддержку, поспешно выбралась из-под стола, на четвереньках засеменила к выходу из салона. И ткнулась головой в ноги Маргариты Васильевны.

– Все в порядке, Зиночка, – протянула ей руку Свистоплясова. – Что случилось? Он ударил тебя?

– Немного.

– Да не бил я ее, – тут же огрызнулся Лопухов. Он опустил вооруженную руку, но отпустить «розочку» не торопился. – Че ты гонишь, Зина? Она хотела заступиться за этого козла, а я только оттолкнул ее. Чтоб под раздачу не попала... Так что, можно сказать, я еще и уберег ее...

– Я тебя уволю, Лопухов! – заверила подчиненного Маргарита Васильевна. – Все! Это было последней каплей! Мое терпение лопнуло! Я тебя столько раз предупреждала, Лопухов... А ты думал, что это все шуточки? Так вот, шуточки закончились. Пиши заявление. Это твой последний рейс... У меня аж давление из-за тебя скакнуло, Лопухов... Люба! – обернулась она к помощнице. – Принеси мне бутылку пива. Срочно... Нет! Пстой! Неси две...

– Да увольняй, – буркнул себе под нос толстяк и только после этого отшвырнул в сторону свое «оружие». Гуров незамедлительно сблизился с Лопуховым и жестко взял его за локоть. Крячко отпустил матроса. – Тоже мне, напугала. Че я, работы не найду, что ли? Да легко! Мне это раз плюнуть. Вон, хоть куда пойду... Везде лучше, чем в вашем гадюшнике, где человек человеку волк. Да пустите меня! – недовольно бросил он Гурову. – Чего прицепились? Не трогаю я уже никого... Кто вы вообще такие? Откуда у вас пушки?

– Мы из уголовного розыска, мужик, – ответил Крячко. – И ты сейчас поступил очень необдуманно...

– Вы серьезно? Реально из уголовки? Да гоните! Че? Нет? Не гоните? Так это прекрасно! – Лопухов мгновенно переменялся в лице. Его губы растянулись в счастливой улыбке, и Лев уловил исходящий от Алексея стойкий запах спиртного. – На ловца и зверь бежит, как говорится... Только вы это... Вместо того чтобы честного человека вязать, лучше бы с убийцей разобрались...

– А кто здесь убийца? – Гуров отпустил локоть бузотера, но на всякий случай предпочел остаться рядом с ним.

– Если б я знал! Говорю же, разбирайтесь, ищите! Это ваша работа, а не моя. Одно могу сказать точно. Убийца здесь. И он один из этих...

– Из кого?

– Из тех, кто травил черненького парнишку. Травили, травили и затравили. Ушлепки! Это ж надо додуматься! Из винтаря человека грохнуть. И только из-за того, что он не такой, как они. Не похожий... Дичь! Если вы хотите знать мое мнение, мужики, то я бы поставил на Каху. Сто штук против чирика, что это он. Приглядитесь к нему, приглядитесь. Мразота!.. Уверен, ему человека убить что папиросу выкурить. Он ведь уже был судим. Ты знала, что он был судим? – Вопрос был обращен к Свистоплясовой, но женщина оставила его без внимания. – Ну, наверняка!.. А все равно взяла на работу! А за что он был судим, хоть поинтересовалась? Может, он серийный маньяк?

– Каха... – негромко протянул Крячко и переглянулся с напарником. – Вот уже не первый раз за последние минут десять, наверное, я слышу это до боли знакомое и вызывающее неприятную тяжесть в желудке имя. Кто он такой, вы говорите?

– Бармен, – ответила Маргарита Васильевна и нетерпеливо бросила взгляд через плечо в ожидании двух бутылок пива.

– А фамилия у него есть?

– Конечно, есть. Как может быть человек без фамилии?...

– Ну, и какая же?

– Я... Я так, навскидку не помню. Нерусская, это точно... А я нерусские фамилии плохо запоминаю. Могу посмотреть в журнале. Хотите?

– Было бы неплохо, – хмыкнул Стас и тут же добавил: – А еще лучше посмотреть на самого Каху. Он на борту?

– Да. Найти его?

– Сделайте милость. А мы уже давайте переместимся на свежий воздух. Здесь пекло, как в преисподней. – Он первым направился к выходу из массажного салона. Остановился на пороге, обернулся и ткнул пальцем в сторону раненого матроса: – Ты – в медпункт! Пусть тебя осмотрят, но потом никуда не исчезай. С тобой мы тоже пообщаемся. Вы, дамочка, отыщите

нам Каху... Ну, а драчуна мы заберем с собой на среднюю палубу. Ты ведь хотел поделиться с нами своими подозрениями? Верно?

– Еще как! – откликнулся Лопухов.

– Считай, такая возможность тебе представилась. Прямо сейчас.

Гуров слегка подтолкнул задержанного в спину. Тот не стал сопротивляться. В сопровождении сыщиков поднялся на среднюю палубу и, оказавшись на корме, первым делом засмолил сигарету. Затем вольготно опустился в кресло, достал из кармана шорт узкие солнцезащитные очки спортивного класса, надел их и только сейчас заметил, что левый рукав его пестрой рубашки оторван.

– Вот сволочь! – сокрушенно покачал он головой. – Такую зачетную вещицу испоганил! Ну, ничего... Сквитаемся еще!

– Это вряд ли, – разуверил его Лев. – Боюсь, мне придется поместить вас под арест вплоть до прибытия в ближайший порт. А потом...

– Меня-то за что? – вскинулся Лопухов.

– За драку. И за нанесение телесных повреждений легкой тяжести. Это статья, Алексей... Так что не хотите поведать нам для начала, что там случилось в массажном салоне? Из-за чего все началось?

– Да все из-за того же. Я никого не трогал и трогать не собирался. Просто зашел к Зинке... Ну... Она мне вроде как нравится... Хотел пригласить ее вечерком сюда на корму, вспрыгнуть винишка на притупленное жарой сознание, так сказать. А тут этот чмошник нарисовался... И с ходу так, значит, и влупляет мне: «Че, не с кем бухать-то тебе теперь? Черножопого-то грохнули наконец... Чувствуешь, как сразу на теплоходе без него запахло лучше и свободнее». Прикиньте! Прямо так и сказал, сволота поганая. Расист хренов! Ну, я ему в носяру и зарядил... Он мне в ответ. Так и пошло-поехало... Скажите, не прав я? Промолчать должен был? Схавать его дерьмо?

– То есть причиной вновь был Мэйтата Коджо? – уточнил Гуров.

– Как и всегда, – буркнул толстяк. – Вот скажите мне откровенно, чем он мешал им? Почему никто не мог спокойно пройти мимо него? Почему каждый считал своим долгом зацепить парнишку или как-то неловко высказаться в его адрес? Откуда это все берется? Так везде, что ли?

– Не везде, – ответил Лев. – Более того, такой массовый расизм в наше время – огромная редкость. Вы уверены, Алексей, что дело было только в цвете кожи?

– Уверен, – кивнул Лопухов и повернулся лицом к воде. – Других причин быть не могло. Но вся эта массовость, как вы говорите, началась с Кахи. Он первым...

– Вот опять, – поморщился Крячко.

– Что? – бросил на него взгляд Гуров.

– Опять эта тяжесть в желудке при слове «Каха». Даже удивительно... Думаешь, это тот самый, Лева?

– Трудно сказать. Мир тесен. Увидим.

– Вы знаете Каху? – встрепнулся Лопухов. – Я не удивлен. Он ведь уже сидел, так что вы должны его знать.

– Не все, кто сидел, – наши знакомые, – парировал Станислав. – Это не загородный клуб для привилегированных персон. За что он сидел, не знаете?

– Понятия не имею. Знаю, что сидел, и все.

– А фамилия?

– Не интересовался.

– Вы сказали, что травля Коджо началась именно с этого Кахи... – напомнил Лев.

– Так и было. Он одним из первых начал к нему цепляться. Если не самым первым...

– Имели ли место угрозы физической расправы?

– Постоянно.

– Только от Кахи? Или еще от кого-то?

– И от других бывали, – ответил Лопухов, немного подумав. – Но в основном от Кахи. Я лично несколько раз слышал...

Гуров достал из нагрудного кармана компактный блокнот, раскрыл его, выдернул один лист и положил его на столик с фирменной символикой перед допрашиваемым. Затем протянул шариковую ручку и предложил:

– Пишите.

– Что именно?

– Имена всех тех, от кого звучали угрозы в адрес покойного Мэйтата Коджо. Было бы неплохо указать и содержание самих угроз, которые вы слышали.

Лопухов вновь поразмыслил немного, затем согласно кивнул, склонился над столиком и принялся быстро строчить мелким корявым почерком.

«Максим Горький» медленно проплывал мимо старенькой покосившейся церквушки, опасно нависавшей над крутым песочным обрывом. Солнце стояло в зените, безжалостно выжигая своими лучами каждый сантиметр истосковавшейся по влаге почвы. Дождей в Москве и ее окрестностях не было уже более полутора месяцев.

Лопухов закончил писать, вернул листок Гурову, и Лев начал внимательно просматривать полученные записи.

– Грубовато, – протянул он, споткнувшись на одной из фраз.

– Ну, а я о чем, – поддержал Лопухов. – Еще как грубовато. Поэтому я частенько и вступался за парня. Вы бы не вступились?

Лев предпочел проигнорировать вопрос. Перевернув блокнотный лист, он сам написал что-то на оборотной стороне и, вновь протягивая его Алексею, спросил:

– Какая-нибудь из этих трех фамилий вам знакома?

Минуты две Лопухов молчал, ковыряясь в закоулках собственной памяти, потом отрицательно покачал головой:

– Ни одной не знаю. А кто эти люди?

– Вы уверены? Посмотрите еще раз. Внимательнее. Может, кто-то когда-то упоминал эти фамилии в вашем присутствии? Например, Коджо... Или, наоборот, кто-то из его гонителей...

– Не, я никогда их не слышал. – Лопухов даже не стал повторно смотреть. – Точно говорю.

За спиной сыщиков раздались неторопливые шаги. Гуров обернулся первым. За ним Крячко. По правую руку от Маргариты Васильевны гордо и величественно шествовал коротко стриженный кавказец со стильной мефистофельской бородкой. Губы сомкнуты, подбородок вскинут вверх, в глазах ледяное презрение ко всему окружающему миру... Однако стоило этим глазам наткнуться на сотрудников угро, как все былое чувство превосходства мгновенно растаяло. Кавказец резко замер, словно наткнулся на невидимую преграду, и буквально съезжился в размерах. С его губ сорвалось ругательство на родном наречии. Гурову уже приходилось слышать это выражение, и он знал, что оно означает.

– Каха!

– Батоно Гуров...

– Вот сейчас мне стало совсем нехорошо. – Крячко поднялся на ноги. – Почему ты? Почему ОПЯТЬ ты? Почему ВСЕГДА ты?

– Батоно Крячко. – Каха чуть склонил голову в знак приветствия, а затем тихо, но так, чтобы собеседник мог расслышать его слова, добавил на грузинском: – Нир ял хлун.

– Я помню эту фразу, – нахмурился Крячко. – Но не помню ее смысл. Что он сказал, Лева?

– Ну, что-то вроде: «Чтоб тебя понос пробрал». За достоверность каждого слова не ручаюсь, но смысл приблизительно такой. Верно, Каха?

Кулаки Станислава угрожающе сжались.

– Можно я ему нос расквашу? – решительно двинулся он на кавказца.

Маленькая пожилая женщина с распущенными седыми волосами долго и скрупулезно изучала протянутое ей через раскрытое окно удостоверение Бурмистрова. Процесс дважды прерывался на ее рейды в глубь комнаты. В первый раз старушка сходила за очками, во второй раз, посчитав, что этого маловато, принесла огромную лупу на обшарпанной деревянной ручке. Бурмистров терпеливо ждал, периодически забрасывая в рот по два кедровых орешка из пакетика в боковом кармане джинсов. Старлея мучила жажда, но бутылок с кока-колой больше не было.

– Все в порядке, – прошамкала обитательница первого этажа беззубым ртом, возвращая Георгию его служебное удостоверение. – Ты и впрямь милиционер, внучок.

– Я это знал с самого начала, – улыбнулся Бурмистров.

– И ты очень правильно сделал, что обратился ко мне. Я в этом доме все про всех знаю. Почитай, уже шестьдесят лет тут живу. Да больше! – махнула сухонькой ручонкой старушка. – Скоро семьдесят будет. Сам товарищ Сталин незадолго до кончины облагодетельствовал, пусть земля ему будет пухом. Не забыл моих заслуг перед отечеством. Ну, да это дело прошлое... Ты чего хотел-то, внучок?

Бурмистров забросил в рот еще два орешка. Из телевизора в недрах квартиры продолжали приглушенно доноситься позывные передачи «Поле чудес». Через окно старлей мог видеть, как Якубович примеряет подаренные ему кем-то из игроков валенки со стразами. Явно женские.

– Извините, как я могу к вам обращаться? – спросил он.

– Ко мне-то? Баба Нина я... Меня все так зовут, и ты величай.

– Ну... Хорошо... Меня интересуют жильцы из шестой квартиры...

– Из шестой? – тут же переспросила баба Нина. – Это же где американцы обитали? Хорошие люди... Помню. И он, и она... Всегда такие вежливые, обходительные. Ни одного бранного слова от них не слыхивала. Хотя не по-нашему, бывало, так причесывали, что аж завидно становилось. Бойко так, складно... Хорошая пара... А вот сынок у них непутевый уродился. И как так бывает? Видать, природа отдохнуть на нем решила. Такого сынка иметь – не приведи Господь. У меня самой-то детишек не было. Не привелось... Но уж лучше никаких, чем как этот... Пьет, курит, нигде никогда не работал толком... Но мнил себя адвокатом. А что ж это за адвокат такой, если он с утра до ночи под окнами пьяный бродит с девицами сомнительной репутации? И вечно без денег. За счет мамкиной пенсии и жил только. Старший-то Хейвуд давно помер, а Мария с сынком таким уж намаялась... Думаю, смерть для нее избавлением стала. Ну, а ты это... – выдернула себя старушка из паутины воспоминаний, возвращаясь в реальность. – Зря пришел, получается, внучок. В шестой квартире давно уже никто не проживает. Пустая она. Почитай, как год с лихом пустая. Ну, аккурат с момента смерти Марии... Марк этот беспутный даже в наследство вступить не удосужился. Как он теперь живет, не представляю, можа, и сам помер с перепоею.

– Вы хотите сказать, что с момента смерти Марии Хейвуд Марк тут не появлялся ни разу?

Бурмистров сознательно избегал обращаться к собеседнице «баба Нина». Очередная небольшая порция орешков скрылась во рту старлея. С любопытством отследив это его движение, старушка подтвердила:

– Ни разу. Уж я бы непременно заметила. Да и как он появится без моей подмоги? Единственные ключи от квартиры Марии у меня. Вон они, в коридоре, на крючке висят. Того и гляди ржавчиной покроются. Как и вся их квартира. А жалко... Квартира-то хорошая, денег немало стоит... Покойный американец большим уважением пользовался. Генералом был... А ты че там клюешь все, внучок? – отреагировала баба Нина на новую порцию кедровых орешков,

скрывающуюся во рту оперативника. – Как голубь какой... Крошки, что ли, на дворе подобрал? Голодаешь небось? Так ты эту бяку плюнь. Пойдем, я тебя лучше борщом накормлю. Только вчера вечером наварила. Я же по старинному рецепту его готовлю. Как меня мама учила. С кислой капустой. И гренки у меня есть. Будешь?

– Нет, спасибо, – отказался старлей. – Мне бы водички глоток. Не нальете?

– А чего не налить-то? Водички я завсегда налью. Этого добра у меня в кране хоть упейся.

Слава богу, с водой у нас в стране перебоев нету пока. Только это... Может, лучше кваску, внучок? Домашний. Сама бражила.

– Не откажусь, – охотно согласился Бурмистров. – Спасибо... баба Нина.

– Ну, погода тут. Сейчас вернусь.

Старушка скрылась из виду. Якубович в телевизоре, открыв очередную букву, радостно приплясывал на месте. Вместе с ним плясал и кудрявый белокурый мальчуган лет трех. Ведущий притомился первым, демонстративно взялся за поясницу, а уже через секунду ткнул мальчугану микрофоном в лицо. Баба Нина вернулась к окошку со стаканом в руке. Бережно передала его Бурмистрову. Старлей жадно осушил емкость до дна.

– Еще? – с улыбкой спросила седовласая старушка.

– Достаточно. Спасибо. – Георгий вернул стакан и тут же произнес: – Дело, собственно, вот в чем, баба Нина. Мы ищем оружие, зарегистрированное на покойного Джеймса Хейвуда. Винтовка с оптическим прицелом. – Он на пальцах продемонстрировал, как это выглядит. – Никогда не видели такой?

– Отчего ж не видела? Видела. Мне случалось бывать в квартире Марии. Уже после того, как ее супруг скончался, царствие ему небесное... Мы всем домом навещали ее время от времени. Поддерживали... И оружие, о котором вы тут кумекаете, примечала. В шкафу оно хранилось у нее. В стеклянном. Покойный генерал уже шибко гордился этим бесовским сувениром. Я никогда не понимала...

– Она и сейчас там? Винтовка?

– Вероятно, – пожала худенькими плечами старушка. – Куда ей деваться? Говорю же, сынок их окаянный со смертью матери как сквозь землю сгинул. Нету его. А в квартире все как было осталось. На своих привычных местах. Никто ничего не трогал. Это уж знамо дело...

– А можно взглянуть? – осторожно спросил Бурмистров.

– На что?

– На этот стеклянный шкаф. И на винтовку в нем. Вы ведь сказали, что ключ у вас. Не могли бы вы подняться со мной и... впустить меня в квартиру покойного Хейвуда?

– Но это ведь супротив правил? Да, внучок? – заколебалась баба Нина. – В чужую квартиру постороннего человека... Даже если в квартире этой никто уже не проживает... У тебя должна быть соответствующая бумага. Как, бишь, она там называется?

– Ордер, – подсказал Бурмистров, но тут же добавил: – Только в данном случае он мне не нужен. Я не собираюсь обыскивать квартиру. Я лишь хочу взглянуть на шкафчик. А вот если винтовка окажется там и она будет соответствовать искомой, тогда ордер и понадобится. При таком раскладе я получу все необходимые документы, приглашу понятых... И в первую очередь вас. То есть сделаем все по закону. По всей форме. А пока...

Георгий замолчал, глядя в глаза собеседнице и ожидая ее дальнейшей реакции. Баба Нина все еще пребывала в растерянности. В телевизоре за ее спиной «Поле чудес» сменилось рекламой какого-то вновь открывшегося в столице медицинского центра. Жизнерадостный голос за кадром обещал всякому, кто пройдет УЗИ в их центре, мазок в подарок. Чей именно мазок будет фигурировать в качестве подарка, в рекламе не уточнялось.

– Хорошо, – решила наконец старушка. – Будь по-твоему, внучок. Подняться и посмотреть мы можем. Но только посмотреть. Ничего руками в квартире не трогать. Обещаешь?

– Клянусь! – Бурмистров с улыбкой вскинул над головой две раскрытые ладони.

Баба Нина удовлетворенно кивнула и сказала:

– Ну, ступай тогда к подъезду и жди меня. Я скоренько.

Старлей послушно отлепился от подоконника и сместился вправо. Пользуясь случаем, что старушка его не видит, отправил в рот добрую порцию кедровых орешков. Окно первого этажа закрылось, а минуты через три щелкнула дверь подъезда, и баба Нина, показавшись в проеме, призывно помахала ему рукой:

– Входи, внучок!

Бурмистров перешагнул порог, и они уже вдвоем двинулись вверх по лестнице. С учетом того, что баба Нина отдыхала по паре секунд едва ли не на каждой ступеньке, а миновав пролет, останавливалась на целых двадцать, подъем на третий этаж занял внушительное количество времени. Наконец старушка достигла заветной квартиры с цифрой 6, вставила ключ в замочную скважину, дважды провернула его, толкнула дверь и первой вошла внутрь. Старлей последовал за ней. Со стены на незваных визитеров грозно уставилась волчья голова со свирепым оскалом и блестящими матовыми глазами.

– Джеймс Хейвуд при жизни был охотником? – спросил Бурмистров.

– Нет. Этот кошмар ему преподнес кто-то в подарок. Я поначалу тоже пужалась, внучок, но потом пообвыкла. Проходи, голова не кусается... Гостиная со шкафом, о котором я говорила, сразу налево.

Бурмистров направился заданным курсом. Остановился в проеме и тут же заметил средних размеров стеклянный шкаф. Старинный предмет интерьера располагался на самом видном месте, и не заметить его было невозможно. Вот только шкаф этот был пустым.

– И где же винтовка?

– Ась? – Старушка вынырнула из-за спины старлея, а через секунду изумленно всплеснула руками: – Нету!.. И впрямь нету! Но была же. Я своими глазами видела...

– Когда вы в последний раз ее видели?

– Вот этого не припомню, – виновато поджала губы баба Нина.

– Хотя бы до или после смерти Марии Хейвуд?

– Да не помню я, внучок. Мне уж сколько годков-то... Всегда она там висела, окаянная, и никогда никуда не девалась... А тут... Вот ведь несуразность.

– А могла хозяйка сама ее переместить в другое место?

– Энто точно нет, – категорично отвергла подобное предположение оперативника старушка. – Мария оружие ни в жисть в руки не взяла бы. Не любила она этого... Пыль протирала, но и то с огромной опаской. А чтоб взять да перевесить... Нет! Не могло такого быть!

– А ключ с момента ее смерти, говорите, только у вас был?

– Тока у меня. Но я сюда никого не водила... И сама не хаживала. Вот те крест, внучок, – бегло перекрестилась баба Нина. – Мы с тобой первые, кто пришел сюда за год с лишним.

– А запасной ключ?

Бурмистров вернулся к входной двери, склонился и внимательно осмотрел замок. Следов взлома не наблюдалось.

– Не было такого. Никогда не было. У Марии тока один ключ от квартиры и имелся. Она страсть как боялась, что сынок непутевый ее обворует. Даже на похороны ничего не оставит... Вот, стало быть, один ключик этот и есть.

– Ясно. – Георгий разогнулся и хмуро взглянул в лицо старушке: – Квартиру все же придется обыскать, баба Нина. Приедут оперативники из нашего отдела и все досконально здесь осмотрят. Я направлю их к вам. И еще... Очень прошу вас, когда они приедут, постарайтесь вспомнить, кто из соседей навещал Марию Хейвуд незадолго до ее гибели. Составьте список. Хотя бы приблизительный. Кого вспомните... Сможете?

– Постараюсь, внучок.

Бурмистров вышел на лестничную площадку, достал из кармана мобильник и набрал номер полковника Гурова. Долго и терпеливо вслушивался в длинные заунывные гудки. Вызываемый абонент не отвечал.

Тогда он отпечатал сообщение: «Винтовка пропала из дома Хейвуда. Нахождение неизвестно. Взлома не было. Неизвестно и нахождение Марка Хейвуда. Еду в Управление. перезвоните».

Глава 4

– Его фамилия, кстати, Микаберидзе. Я посмотрела в контракте, – гордо сообщила Маргарита Васильевна, а затем пожала плечами: – Но вижу, что вам это уже ни к чему. Вы вроде как и без того знакомы.

Крячко продолжал свирепо надвигаться на грузина. Каха схватил Свистоплясову за плечи, толкнул ее в сторону полковника и метнулся к ограждению.

– Успокойся, Каха! – окликнул его Гуров. – Что за глупости? Куда тебе деваться? Прыгнешь за борт?

– Может, и прыгну, – не оборачиваясь, буркнул бармен. – Это куда лучший исход, чем вновь терпеть необоснованные нападки батоно Крячко. Что за непруха? Почему судьба постоянно посылает мне вас двоих? В Москве других оперов нету, что ли?

– Необоснованные? – Крячко схватил Каху за ворот рубашки. Тот попытался вывернуться, но не сумел. Ткань затрещала под цепкими пальцами Стаса. – Ты в прошлый раз человека подстрелил. А он был патрульным при исполнении. Забыл уже?

– Это вышло случайно. Шальная пуля. С кем не бывает? К тому же я искупил. Искупил ведь? Я сдал вам целую преступную группировку. А патрульный ваш выжил. Он даже не пострадал толком...

– Нет, я ему точно вмажу, – хрипло обронил Станислав, обращаясь скорее к самому себе, нежели к кому-то из окружающих.

– погоди! – осадил напарника Гуров и тут же спросил все еще цеплявшегося за ограждение Микаберидзе: – Оружие есть?

– Нету.

– Стас, проверь.

Бармен попытался воспротивиться личному досмотру, но и эта его попытка оказалась тщетной. Крячко ощутимо ткнул его кулаком в поясницу, а затем, буквально впечатав в борт, двумя ударами носка ботинка заставил развести ноги в стороны. Похлопал по туловищу, потом опустился ниже и задрал обе штанины канареечного оттенка шелковых брюк одновременно. На правой волосатой лодыжке у Микаберидзе обнаружилась компактная кобура с торчащей из нее посеребренной рукояткой. Станислав забрал оружие и хмыкнул:

– А говорил: «нету».

– Это сувенир, – живо отреагировал Каха.

– Серьезно? – Дуло пистолета ткнулось грузину в затылок. Палец Крячко мягко опустился на курок. – То есть, если я сейчас выстрелю, ничего страшного не случится? Так?

– Господи! – охнула Маргарита Васильевна. – Не надо! Не делайте этого! Умоляю вас! Меня за такое непременно уволят! Наша компания попадет в черный список...

Лопухов, попыхивая сигаретой, со счастливой улыбкой на лице молча наблюдал за происходящим. Гуров неспешно поднялся на ноги и двинулся в сторону напарника.

– Опять по беспределу тянешь, батоно Крячко? – презрительно бросил Каха, но голос его непроизвольно дрогнул. – И что ты за человек такой резкий? Как волкодав какой-то...

Гуров забрал найденное оружие из рук напарника, отбросив барабан, заглянул внутрь и сокрушенно покачал головой:

– Разрешение на ношение есть?

Микаберидзе не ответил.

– Значит, срок уже схлопотал...

– Это же для самообороны, батоно Гуров. Знаешь, как опасна профессия бармена? Опаснее вашей. Никогда не знаешь, на какого козла нарвешься. Ну, ты же мужик правильный. Дол-

жен понимать... Я не стрелял из него ни разу. И даже не собирался. Только если пугануть особо раздухарившегося бухарика...

– Для самообороны или просто для красоты – не имеет значения, – ответил Лев. – Решение все равно должно быть. Чего ты дураком-то тут прикидываешься, Каха?

– Но ствол-то чистый, – гнул свою линию бармен. – Сам проверь – и увидишь.

Гуров взял грузина за локоть, развернул к себе лицом и предложил:

– Давай-ка пообщаемся тет-а-тет, Каха. Идем за мной. Стас, побудь пока тут с остальными.

– Может, лучше наоборот? – Крячко продолжал буравить задержанного свирепым взглядом. – Полагаю, у нас с Кахой диалог конструктивнее получится. При необходимости пойдем друг друга без слов.

– Стас...

– Ладно-ладно, – неохотно отступил Крячко. – Хочешь с ним нянькаться – нянькайся. Только не забывай, Лева, что на этот раз он, возможно, реально убил человека.

– Не убивал я никого!

– Разберемся. Ступай! – легонько подтолкнул Гуров грузина в направлении отгороженного от палубы панорамным окном читального салона.

Мужчины вошли внутрь, и Лев сразу опустился в глубокое кресло, спиной к бесшумно работающему телевизору и лицом к корме. Через стекло он видел, как Крячко вновь занял место за столиком напротив Лопухова. Толстяк бросил окурочку за борт и тут же закурил новую сигарету. Маргарита Васильевна бестолково топталась на месте, совершенно не понимая, как ей следует вести себя в сложившейся нештатной ситуации.

– Ну, ты-то мне веришь, батона Гуров? – Микаберидзе тоже сел, проникновенно, как преданный пес, заглядывая в лицо полковника. – Не убивал я этого грязного нигера. Цеплялся к нему – да. Было. По черной морде пару раз съездил, наверное... Тоже не отрицаю. Но не убивал. Это точно.

– Знаю, Каха. – Лев вытянул ноги, достал из кармана платок и промокнул им лоб. – Знаю. Ты слишком труслив по природе своей, чтобы хладнокровно убить человека. Но заказать убийство мог.

– Шутишь? – вскинулся Микаберидзе. – Да на черта мне это нужно? За что его заказывать-то? Он же как этот... Как прыщ на жопе. Раздражает, но в целом жить-то не мешает. Со временем как-то привыкаешь к его присутствию. И потом... Заказ дорого стоит, батона Гуров. Сам же знаешь. Где бы я такие деньжищи нарыл?

– «Палеными» стволами еще торгуешь, Каха?

– Нет! Тварью буду, нет! Завязал. С тех пор как отсидел за это, так и завязал. Сразу же. Спасибо тебе. Наставил на путь истинный.

– Давно освободился?

– Не очень. Прошлой осенью. Год еще не прошел.

– По УДО?

– Угу.

– И сколько у тебя условный?

– Два, – Микаберидзе выставил перед собой растопыренные указательный и большой пальцы. – Вот тебе еще один оправдательный довод в мою пользу. Стал бы я кого-то гасить за просто так, когда на «условке» еще торчу? Сам подумай. Я же не debil?

– С этой стороны я тебя совсем не знаю, Каха, – усмехнулся Лев, – поэтому подозрений пока снимать не буду. Но и тащить тебя в Москву, в ИВС, с ближайшего причала тоже не стану. Если... – Он многозначительно замолчал.

Микаберидзе скривился, как от зубной боли, и буркнул себе под нос:

– Вот черт, опять это «если». Терпеть не могу твои «если», батона Гуров. Просто на дух их не перевариваю. Потому как знаю уже, к чему они ведут. Вновь хочешь из меня «стукача» сделать?

– Ну, я бы не стал называть это стукачеством, Каха. – Лев хрустнул костяшками пальцев, а затем небрежно протянул ему вырванный ранее из блокнота лист бумаги. – На этот раз речь ведь идет не о твоих поделниках. Расценим это как маленькую дружескую услугу... Лопухов накорябал тут имена людей, которые, как и ты, не давали покойному Коджо проходу. Угрожали ему. Я хочу, чтобы ты пообщался немного с каждым из них. С барменом ведь люди охотнее идут на контакт, нежели с представителями власти... На всякий случай стоит проверить и весь персонал теплохода, а не только тех, кто есть в списке. Это довольно кропотливая работа, Каха, но я уверен, тебе она по плечу.

– Ну, не знаю... – Бармен потер двумя пальцами переносицу. – Как-то это все не по мне... Я же не шпион какой-нибудь, спецподготовок не проходил...

– Ну, как знаешь, – легко сдался Гуров. Энергично хлопнув обеими руками по подлокотникам кресла, он поднялся на ноги. – Невольно я никого не буду. Не в моих это правилах. Пусть этим займется Крячко. У него и впрямь лучше получится. Согласен?

– Полностью, – облегченно выдохнул Микаберидзе и расплылся в счастливой улыбке.

– Вот и славно. Собирайся, Каха!

Последняя фраза застала бармена в момент подъема со своего кресла. Он замер, так и не завершив его, и вскинул недоверчивый взгляд на Гурова:

– Куда это?

– В Москву со мной вернешься. Сойдем на ближайшей стоянке, и побудешь в изоляторе до окончания следствия. Ты единственный подозреваемый на настоящий момент, так что выбор у меня невелик. Я же должен как-то отчитаться о проделанной работе перед вышестоящим начальством. Так что посидишь пока... А когда найдем настоящего убийцу... если найдем... мы тебя сразу отпустим. Да расслабься, Каха, – добавил Лев, заметив кислое выражение лица Микаберидзе. – Скучно тебе не будет. Там уже отдыхает твой старый знакомый, Шота Батумский. Помнишь такого? Думаю, вам будет о чем потолковать. И я очень надеюсь, что никто случайно не обмолвился Шоте о твоих негласных контактах с угро три года назад. Постараюсь тоже не намекать ему об этом...

Микаберидзе все же поднялся на ноги, шагнул к Гурову и, забрав у него из рук блокнотный лист, сдавленно проговорил:

– Я посмотрю, что можно сделать.

– Уверен? Может, лучше Крячко? У тебя ведь нет надлежащей спецподготовки...

– Я справлюсь.

Тем временем на палубе Маргарита Васильевна, дождавшись от исполнительницы очередной бутылки пива, подседа к Крячко и принялась жарко рассказывать ему о чем-то, активно жестикулируя руками. Станислав отодвинул от женщины свой стул, но она тут же придвинулась к нему снова. Наблюдая эту картину через стекло, Лев понимал, насколько накаляется ситуация. Напарник нетерпимо относился к повышенному вниманию со стороны представительниц противоположного пола, если те не вызывали в нем ответной симпатии, поэтому следовало вернуться в их общество как можно скорее.

– Уж постарайся, Каха, постарайся, – напутствовал он Микаберидзе. – И на всякий случай имей в виду еще вот что... Если не сможешь ничего узнать, а в итоге убийца окажется среди тех, с кем ты общался, я буду крайне расстроен. Мне ведь еще предстоят беседы с Шотой Батумским... Кто знает, что я могу ляпнуть ему в расстроенных чувствах...

Ответом ему была скупая нецензурная брань на грузинском.

– Я на девяносто девять процентов уверен, что у нее кто-то есть. – Сержант Колесанов, сидя за рулем припаркованного возле въезда на мост патрульного «Опеля», расстегнул еще одну пуговицу на форменной рубашке. Солнце медленно опускалось к линии горизонта, но жара отступать не собиралась. – Не могут у нее через день возникать всякие непредвиденные обстоятельства. То она двоюродного брата-алкоголика навещает в стационаре, то с работы срочно вызывают, то подруге оказывает услугу... Ну, сам подумай, Витек. Все признаки измены налицо. И это притом, что раньше ее от телевизора оторвать было невозможно. Смотрела всякую хрень... Однозначно, Натуся моя завела себе хахалю. Как пить дать завела.

– Так проследи за ней, – внес предложение расположившийся на пассажирском сиденье напарник. – Хотя бы разок. А то так и останешься в неведении.

– Да ни за что! – категорично отказался Колесанов. – Один процент-то остается, что она мне верна. И если это так, а я запалюсь со своей слежкой... полный капец будет! Натуся мне весь мозг высушит. И заняться-то мне нечем, и дожил я до того, что собственной жене перестал доверять, и... Короче, мрак что начнется!.. В итоге я буду шесть или семь ночей как минимум корячиться на маленьком диванчике в гостиной. А там еще кот этот ссыт постоянно. Спать невозможно... Я лишний раз боюсь прикорнуть, опасаясь, что он когда-нибудь возьмет и напрудит мне на голову...

– Так найми человека, – посоветовал Витек.

– Какого человека? Чтобы он за котом ссаки подтирал? Да кто за такое возьмется?

– При чем тут кот? Я про жену тебе говорю. Найми человека следить за ней. Есть же грамотные специалисты в данной области. Даже если его вычислят, он ни за что не сдаст заказчика. И ты чист... У меня где-то был номерок одного частного сыщика. Могу глянуть. – Витек протянул руку и подобрал с приборной панели айфон. – Берет недорого вроде, как я слышал. Тебе по карману будет.

– погоди, – осадил напарника Колесанов.

– А чего годить-то? – Тот уже снял блокировку с экрана, открыл записную книжку и принялся пролистывать ее сверху вниз. – Поговори с ним хотя бы. Узнай, что да как... Или ты боишься, что окажешься прав насчет жены?

– погоди, говорю. Смотри!

Сержант подался вперед и ткнул указательным пальцем в лобовое стекло автомобиля. Из припаркованного в двадцати метрах от патрульной машины такси выбрался невысокого роста сутулый человек, расплатился с водителем и, удерживая под мышкой черный продолговатый футляр, двинулся по мосту. Верхняя часть лица скрывалась под капюшоном, и данное обстоятельство при такой ясной жаркой погоде выглядело особенно подозрительным. Такси развернулось и умчалось в обратном направлении. Незнакомый воровато оглянулся через плечо. «Опель» без соответствующих опознавательных знаков не вызвал у него опасений.

– Помнишь ориентировку из головного управления МВД? – Колесанов зачем-то понизил голос до шепота. Его бычья шея еще обильнее покрылась испариной. – Ну, на того дорожного снайпера?

– Помню, – эхом откликнулся напарник, мгновенно забыв о записной книжке в айфоне. – Думаешь?...

– Чего тут думать? Ты взгляни на него, Витек! Внимательно взгляни! Парень явно шкерится. Оглядки постоянные, капюшон... А главное – футляр. Вроде бы от музыкального инструмента, но... Для скрипки великоват, для гитары мелковат. Сколько лично ты знаешь музыкальных инструментов, которые носят в таких футлярах?

– Но и для винтовки он маленький...

– Чудила! – хмыкнул Колесанов и протер шею ладонью. – И кто только занимается с вами в учебке, Витек? Ни один снайпер не станет таскать с собой винтовку в собранном виде. Это же тебе не биатлон какой-нибудь гребаный или стендовая стрельба. Ясен перец, что она

у него в разобранном состоянии. Сейчас займет удобную позицию на мосту... Проходимость транспорта в этой части Москвы минимальная. Но не под мостом. Видишь? Там уже пробка образовалась... Все как в ориентировке указано было...

– Я понял тебя, – живо кивнул Витек и потянулся к бедру за оружием. – Двигаем! Возьмем этого ублюдка.

– С ума сошел? – Колесанов дернул напарника за плечо. – Это ж тебе не алкаш в подворотне, который равновесия удержать не может. Это вооруженный и опасный преступник. При нем может быть не только винтовка... Если тебе жить надоело, то мне точно нет. На кого я жену оставлю, например?

– На любовника. Сам же говорил...

– Закрой рот! – От прежней доброжелательности сержанта не осталось и следа. – Звони в головное, пусть высылают наряд для задержания. Им платят больше. А я за свои копейки под пули не полезу. Ищи дурака!.. Смотри, смотри!.. Все как я и говорил.

Человек в капюшоне поднялся по мосту метров сто, остановился, еще раз зыркнул влево-вправо и, нагнувшись, отомкнул замки на футляре. Через мгновение в руках у него появился большой армейский бинокль. Облокотившись на парапет, подозрительный тип навел оптику на дорогу, уходящую под мост. Подстроил фокус. Попутно бросил взгляд на свои наручные часы.

Колесанов осторожно выбрался из салона «Опеля», сделал пару робких шагов вперед, остановился, а через секунду спешно вернулся обратно в машину.

– Вызвал?

– Вызвал. Обещали быть минут через пять.

– Ну... – Сержант довольно потер друг о друга руки, однако напарник успел заметить, как нервно подрагивают у него пальцы. – Будем надеяться, этот псих не успеет за пять минут никого пристрелить. Винтовку он пока не достает. Только бинокль...

– А на черта ему бинокль, если на винтовке оптический прицел есть? – высказал сомнение Витек. – Может, мы все же ошиблись?

– Тормоз ты, – без колебаний ответил Колесанов. – Хоть движение на мосту и минимальное, но оно все же есть. Зачем ему винтовку «светить» раньше времени? Вот дождется намеченной жертвы, прикинет расстояние, траекторию полета пули, а затем уже быстро и складно все сделает. Бах! Новый «жмурик»! Знаешь, за сколько опытный снайпер свое оружие собирает?

– За сколько?

– За пять секунд. Я сам читал об этом.

Подозрительный тип на мосту оторвал от лица бинокль и некоторое время стоял без движения. Откидывать капюшон он не собирался. Посмотрел на часы. Оглянулся. У него за спиной прогрохотала многотонная фура. Движение под мостом стало еще более затрудненным. Послышались нервные гудки клаксонов. Неизвестный вновь припал к окулярам армейского бинокля.

Позади «Опеля» из-за поворота на стремительной скорости вырулил джип, едва не зацепив крылом фонарный столб, и помчался в направлении моста. Разглядеть пассажиров за тонированными стеклами не представлялось возможным. Джип вихрем пронесся мимо патрульной машины, взлетел на мост и, почти вплотную приблизившись к человеку в капюшоне, резко ударил по тормозам. Подозрительный тип испуганно обернулся. Бинокль выпал у него из рук и камнем полетел вниз, на скопление гудящих автомобилей. Грозно захлопали дверцы, напоминающая по звуку отрывистое воронье карканье. Четверо вооруженных автоматами бойцов захватили человека в капюшоне в полукольцо.

– Стоять! Руки за голову! Лечь на землю! Лицом вниз! Быстро! – раздались краткие, как выстрелы, приказы. – Одно неверное движение, и ты труп, говнюк! Стреляем на поражение! Ясно? Лечь! Лечь! Считаю до трех...

В такой ситуации мало кому удавалось проявить геройство. Человек в капюшоне не стал исключением из правил. Покорно сложив руки на затылке, он растянулся на потрескавшемся от жары асфальте. Дуло одного из автоматов уперлось ему между лопаток. Капюшон был грубо сорван с головы, обнажив переполненное ужасом и изумлением прыщавое юношеское лицо. На вид пареньку было никак не больше двадцати лет. Губы его дрожали, не в состоянии вымолвить ни слова. Между раскинутых в стороны ног образовалась грязно-желтая лужа. С каждой секундой она все больше и больше увеличивалась в размерах.

– Он обоссался, майор! – весело констатировал боец, чей автомат продолжал давить парню в спину.

– Это хорошо, – низким басом откликнулся старший группы захвата. – Щас он еще и срать у нас начнет. Что в футляре?

Парень молчал, со страха не осознавая, что вопрос обращен именно к нему. Удар носком кованого ботинка под ребра вывел его из оцепенения.

– Я спросил, что в футляре, кусок дерьма!

– Ничего.

– Так не бывает!

– Он пустой. Правда! Обычно я ношу в нем саксофон... Я учусь в консерватории... Но сегодня я не брал инструмент...

– Да? Интересно, почему это?

– Что я сделал? – Парнишка едва не плакал. – Скажите, что я сделал?

– Закрой хлебало! Всем назад! – распорядился майор и, когда его команда отступила на пару шагов, опустился на колено рядом с футляром. Осторожно откинул крышку. Футляр был пуст, не считая торчавшего из кармашка запасного мундштука от саксофона. – Что за хрень? Где винтовка?

– Какая винтовка? О чем вы?

– Я сказал, закрой хлебало! Ну-ка, поднимите этого мудака, парни!

Студента консерватории рывком поставили на ноги. В ста двадцати метрах от места событий сержант Колесанов, сидя за рулем патрульного «Опеля», самодовольно ослабил. Несколько крупных капель пота на его бычьей шее скатились по коже за воротник рубашки.

– Видал? – спросил он напарника. – Четко работают ребята. Сразу видно, профессионалы, не зря свой хлеб едят. Но и мы с тобой не пальцем деланные, Витек. Молодцы мы, одним словом. Зафиксировали, отзвонились, поспособствовали задержанию опасного преступника... Наша служба, как грится, и опасна, и трудна. – Сержант запустил двигатель автомобиля, и «Опель» плавно тронулся с места. – Теперь можно уже подъехать и получить заслуженные лавры... И на первый взгляд как будто не видна...

– Так тебе все еще нужен телефон частного сыщика? – уточнил напарник.

– Да погоди ты, не до него сейчас! Вишь, мы при исполнении... Если кто-то кое-где у нас порой честно жить не хочет...

«Опель» торжественно и величаво вкатился на мост.

– Зря ты поручил такое ответственное дело этому отмороженному, – высказал свое мнение Крячко, глядя не на Гурова, а за окно автомобиля.

– Перестань, Стас! В прошлый раз Каха помог нам, поможет и в этот. Ты к нему предвзято относишься.

– В прошлый раз он сначала нос мне сломал, Лева.

– Ты сам подставился.

– И это, по-твоему, его оправдывает?

– Нет, конечно. Но ты ведь прекрасно понимаешь, почему я поступил именно так, а не иначе. Не могли мы себе позволить двухнедельный круиз на «Горьком». А допрос всех подозреваемых занял бы именно столько времени. Орлова insult бы хватил.

Такси пересекло границу Московской области. За окном автомобиля раскинулась потрясающая панорама на расположенный в низине компактный городок с готическими строениями. Солнце уже полностью скрылось за горизонтом, и огни городка переливались всеми цветами радуги. Однако Крячко было не до видов внизу. Его лицо оставалось мрачным. Нижняя губа выкатилась вперед.

– На теплоходе мог остаться кто-то один из нас, – сказал он.

– Например, ты? Да? – улыбнулся Лев. – Так и скажи прямо, Стас, что тебя коробит от одной только мысли об упущенном двухнедельном отпуске за счет Управления. Думаешь, я не заметил, как у тебя загорелись глаза, когда на палубе появилась группа тех дамочек в купальниках?

– Обидеть хочешь? – хмыкнул Крячко, выуживая из пачки сигарету с белым фильтром. – Так это напрасно, Лева. Я не обидчивый. Дамочки, конечно, были что надо. Особенно рыженькая... Но дело совсем не в них. Дело в Кахе. Скользкий он тип. Надует тебя за здорово живешь. И глазом не моргнет. Ты же его помнишь... Как можно доверять такому человеку...

– А я ему и не доверяю, – успокоил напарника Гуров. – Людьми, подобными Кахе, управляет страх. Другой мотивации им и не нужно... За счет чего мы раскрыли дело Гвоздя три года назад? Ты вспомни, Стас. Только трезво, без эмоциональной окраски... У нас не было против его группировки ни единой улики. Зачищались все хвосты, дело разваливалось буквально на глазах, а «паленое» оружие продолжало поставляться на улицы с геометрической прогрессией. И в этот момент судьба послала нам Микаберидзе. Его страх перед большим тюремным сроком позволил нам добраться до организаторов.

– Срок грозил ему не за торговлю оружием, а за то, что он стрелял в патрульного.

– Какая разница?

– Большая, – не унимался Крячко. – В том случае нам просто подфартило. Не было бы раненого патрульного, не было бы и сотрудничества. Каха не пошел бы на сделку. А сейчас ему ничего не грозит. Он кинет тебя, Лева, вот увидишь.

– Не кинет. Ты сам не хуже меня знаешь, что такое работа с информатором. Стукнул один раз, стукнет и второй. Уже не из страха тюремного заключения, а из страха разоблачения. Я намекнул ему на то, что информация о его измене докатится до грузинского авторитета Шоты Батумского.

– А где мы найдем Шоту в случае чего?

– Нигде, – невозмутимо парировал Гуров. – Но Каха-то об этом не знает.

– Ты меня удивляешь, Лева! – презрительно фыркнул Стас. – Вроде такой уже опытный сыскарь, а порой ведешь себя как несмышленный ребенок. Интересно, сколько времени понадобится Микаберидзе, чтобы набрать номер телефона Шоты Батумского?

– Это ты меня удивляешь, Стас, – покачал головой Лев. – С какой радости Каха будет звонить коронованному авторитету? Где он, и где Шота. Я не уверен, что у Кахи вообще имеется номер телефона Шоты Батумского.

– А если имеется?

– Тебя не переговоришь, Стас, – усмехнулся Лев. – Если бы да кабы... Ты тут уже целую теорию заговора построил. И все вокруг какой-то мелкой и незначительной сошки. Не заслуживает Каха Микаберидзе такого повышенного внимания к своей персоне. Если он нарочит нам что-то – хорошо, а если нет, будем искать другие ходы. Будем думать... Остаться на теплоходе на две недели мы не могли. Я принял единственно верное в такой ситуации решение. – Сказав это, он демонстративно отвернулся, давая понять, что дискуссия окончена.

Крячко собрался было что-то ответить, но в последний момент передумал. Стас всегда тонко чувствовал, когда стоит прекратить разногласия.

– И все равно эта сволочь мне нос разбила, – почти шепотом буркнул он через минуту.

Гуров никак не отреагировал. В салоне автомобиля повисла продолжительная пауза. Впереди, по ходу движения, уже виднелись огни ночной столицы. И тут в правом кармане брюк Гурова зазвонил мобильный телефон. Он достал его и ответил на вызов.

– Слушаю... Что? Когда это случилось?... Где?... Он объяснил, что он там делал?... Ладно, я понял. Через сколько его доставят?... Хорошо. Мы уже едем. Пусть с ним пока потолкует старший лейтенант Бурмистров. Его нет?... Тогда ждите. Мы с полковником Крячко скоро будем.

Телефон вернулся обратно в карман.

– Что случилось? – подобрался Стас. – Очередная жертва?

– Нет. Взяли какого-то парня на Гусыкином мосту. С биноклем и пустым футляром из-под саксофона. Сейчас везут к нам в Управление. Возможно, это наш клиент.

– Но футляр же пустой...

– Это ни о чем не говорит. Снайпер мог проводить разведку.

– При нем нашли еще что-то?

– Вроде бы ничего. Пока я знаю не больше твоего, Стас. Сейчас приедем и разберемся. Сколько нам еще ехать? – спросил Лев у водителя.

– Минут сорок.

– А нельзя побыстрее?

– Ну, я же не на вертолете, – надул щеки таксист, но все же немного увеличил скорость...

Повторно объехав искомый Химкинский квартал, Бурмистров раздосадованно хлопнул ладонью по рулевому колесу и раздраженно бросил в зажатую плечом трубку:

– Да нет тут такого дома, Антоха! Ну, так и нету! И навигатор игнорирует адрес, который ты мне дал. Ты уверен, что все правильно? Проверь еще раз... Антох, заканчивай, не полощи мне мозг! Ты там, а я тут. И я прекрасно вижу, что такого дома не существует. Вот тринадцатый... – Свет фар автомобиля старлея как раз был направлен на табличку с номером. – За ним четырнадцатый. Потом пустота, и сразу семнадцатый идет. Я дважды объехал квартал... Чего?... Да ничего между ними нет! Разруха есть, и не более. Два каких-то гнилых сарая... Ты сейчас серьезно или издеваешься надо мной? В таких сараях не может никто жить. Из людей, я имею в виду... Да пошел ты, умник! Ладно, проверю. Все, пока, Антох, у меня вторая линия.

Бурмистров, не глядя, сбросил один вызов и принял новый. Но через секунду уже пожалел об этом.

– Почему у тебя все время занято, персик? – недовольно протянула незримая собеседница. – С кем ты все время болтаешь?

– Это по работе, Ирунчик. – Старлей припарковал машину и выключил двигатель. – У тебя что-то срочное?

– У меня всегда срочное, – живо откликнулась девушка. – Если бы было несрочное, я бы не стала тебя беспокоить. Думаешь, я такая дура? Не понимаю, что ты в этот момент можешь сидеть в засаде... Или где там вы еще сидите?... Но если уж я звоню тебе, будь добр отвечать, персик. Вдруг меня убивают? Об этом ты не подумал?

Бурмистров бесшумно вздохнул и выбрался из салона. Поставил автомобиль на сигнализацию. Ночь уже полностью окутала подмосковный город. Свет из соседних домов не достигал двух сараев между ними. Оба неказистых, того и гляди готовых развалиться от малейшего дуновения ветерка строения тонули во мраке. Георгий неспешно направился к тому, который предположительно должен был значиться под номером семнадцать.

– Тебя убивают?

– Слава богу, пока нет. Сплюнь! – грозно потребовала собеседница. – Что за мысли у тебя такие, персик? Спишь и видишь, как бы меня поскорее не стало? Да?

– Ну что ты!.. Ты же знаешь, что я люблю тебя...

– А если любишь, почему не отвечаешь?

– Я на работе, Ирунчик. Мне и сейчас не совсем удобно говорить... Если у тебя ничего срочного, давай я перезвоню тебе минут так через десять-пятнадцать...

– Нет, это слишком долго, – последовал категоричный ответ. – Дело срочное, персик. Очень срочное. Я, как дура, стою тут посреди магазина... С сумками... Все на меня пялятся... Не помню уже, когда я последний раз чувствовала себя так нелепо. Наверное, когда заняла позорное второе место на Балаковском конкурсе красоты. Все поздравляли победительницу, надевали на нее корону, а я стояла поодаль, как... как пустое место.

– Ты об этом сейчас хочешь поговорить?

Бурмистров остановился в десяти метрах от сарая. Критически окинул его взглядом. По мнению старшего лейтенанта, это никак не могло быть жилым помещением. Крыша двухметрового покосившегося деревянного строения была пробита в двух местах, краска облупилась по всему периметру, распахнутая настежь дверь, поскрипывая, болталась на единственной петле. Света внутри сарая не было. Равно как и каких-нибудь подозрительных звуков. Рука Бурмистрова, лежавшая на рукоятке табельного оружия в ременной кобуре, безвольно опустилась вдоль тела.

– Нет, не об этом, – капризно протянула девушка. – Сейчас у меня другая проблема, персик. Я приглядела стильные осенние сапожки с пятидесятипроцентной скидкой. Представляешь? Это просто уникальная возможность. Другой такой может и не представиться... А твоя дурацкая карточка говорит, что у нас недостаточно средств. Как такое может быть? Она сошла с ума? Ты ведь сказал, что деньги есть...

– Ну да. А о какой сумме идет речь, Ирунчик?

– Пятьдесят тысяч.

– Сколько? – опешил Бурмистров. – Эти твои сапоги из чистого золота, что ли?

Но подобное предположение не могло выбить девушку из колеи. Она издала уже хорошо знакомый Георгию звук, представляющий собой нечто среднее между всплеском моря и шипением подгорающей на сковороде яичницы, а затем все так же нараспев произнесла:

– Ты меня совсем не слушаешь, персик? Я ведь только что объяснила тебе... Такие сапоги никогда не стоили и не будут стоить меньше сотни. Но именно сегодня на них невероятная пятидесятипроцентная скидка. Надо обязательно брать. Не взять было бы огромным кощунством... И они не из золота. Они от Кельвина Кляйна...

– Зачем тебе поношенные сапоги какого-то мужика? – попытался отшутиться Бурмистров, но это не возымело ни малейшего результата.

– Они нужны мне, персик. Это значительно повысит мои шансы устроиться моделью в какое-нибудь престижное агентство. Ты ведь хочешь, чтобы у меня появилась работа?

Наученный горьким опытом, старлей благоразумно не стал отвечать на этот вопрос. На него не существовало ни одного правильного ответа. Сказать «да» означало бы нарваться на длинную и нравоучительную тираду, основанную на том, что он считает свою девушку вечной содержанкой. Ответ «нет» предполагал такую же эмоциональную речь, но уже связанную с тем, что «ему нет никакого дела до ее карьеры». Тратить время на споры и оправдания Георгию сейчас совсем не хотелось. Вместо этого он выбрал нейтральный и, как ему казалось, безобидный встречный вопрос:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.